

Арсений, архиеп. Волоколамский. В стране священных воспоминаний: (Описание путешествия в Св. Землю, совершенного летом 1900 года Арсением, еп. Волоколамским, Ректором Московской Духовной Академии, в сопровождении некоторых профессоров и студентов) // Богословский вестник 1901. Т. 3. № 12. С. 672—723 (2-я пагин.). (Продолжение.)

ВЪ СТРАНѢ СВЯЩЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. 1)

(Описание путешествія въ Св. Землю, совершеннаго лѣтомъ 1900 года преосвященнымъ Арсеніемъ епископомъ Волоколамскимъ, Ректоромъ Московской Духовной Академіи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ).

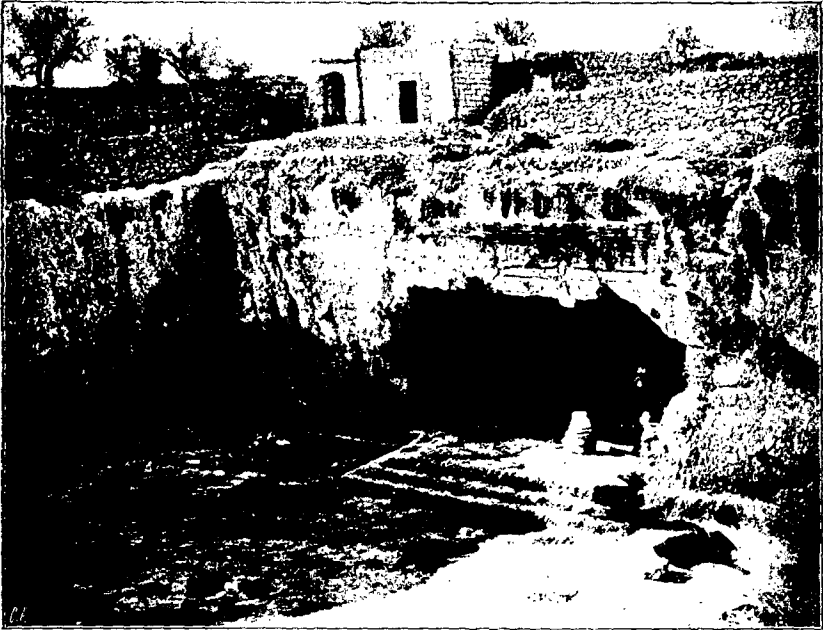
Воскресеніе. 2-е Іюля. Послѣдній обзоръ Іерусалима. Царскія гробницы. Пещера пр. Іереміи. Долина Суда Божьяго. Приготовленіе къ отъѣзду въ Назаретъ.

Завтра мы оставляемъ Іерусалимъ и отправляемся въ Назаретъ. Мы пробыли въ Іерусалимѣ десять дней. Не смотря на небольшой срокъ, мы постарались осмотрѣть, по возможности, всѣ достопримѣчательности, помолиться нѣсколько разъ у Гроба Господня, поклониться другимъ святынямъ, находящимся какъ въ самомъ городѣ, такъ и его окрестностяхъ. Время было дорого: запоздай немного, мы не могли бы тогда, за недостаткомъ времени, посѣтить Галилею, отчего наше путешествіе въ Палестину не было бы закончено. Боясь этого обстоятельства, мы всѣми силами старались не терять дорогого для насъ времени, употребляя его на обзорѣніе и поклоненіе святынямъ. Воспроизводя все видѣнное нами, мы рѣшили укрѣпить его въ памяти еще общимъ обзорѣніемъ всего Іерусалима и посмотрѣть неосмотрѣнное за недостаткомъ времени. На это мы и употребили сегодняшнее послѣобѣденное время. Прежде всего мы осмотрѣли такъ называемыя „царскія гробницы“.

Въ 4 часа мы отправились туда на ослахъ. Отъ Русскихъ построекъ „царскія гробницы“ находятся на разстояніи

1) Продолженіе. См. Богосл. Вѣстникъ, Ноябрь стр. 468—520.

версты, не больше. Спустившись по крутымъ и широкимъ ступенькамъ, внизъ, на глубину пятнадцати футовъ, мы очутились на четырехугольной площадкѣ, въ 92 фута длины и 87 ф. ширины, на лѣвой сторонѣ которой высѣчена пещера въ скалѣ. Съ трудомъ прошли мы черезъ небольшое отверстіе этой пещеры и очутились въ погребальномъ

Царскія гробницы.

вертепѣ. Онъ представляетъ собою комнату въ тридцать девять футовъ длины, семнадцать ширины и около чятнадцати вышины, съ слѣдами украшеній надъ фронтономъ. Сводъ скалы въ этой комнатѣ, какъ видно, украшенъ былъ лѣпной работой, изображающей вѣнки, плоды и листья. Эта комната, служа какъ бы могильнымъ портикомъ, имѣеть нѣсколько дверей, ведущихъ въ самыя могилы. Снабдивъ насъ зажженными свѣчами, услужливый турокъ—проводникъ впустилъ насъ черезъ одну изъ этихъ дверей въ могильное помѣщеніе, гдѣ мы увидѣли въ стѣнахъ ниши для гробовъ. Гробницы высѣчены изъ отдѣльныхъ камней; внутри гробницы сдѣлано изголовье для покойника, а крышки у нѣкото-

рыхъ гробницъ украшены чешуйчатою рѣзбою. Это могильное помѣщеніе вело въ другое подобное, которое, въ свою очередь, вело въ слѣдующія такой же формы и такого же устройства. Ихъ оказалось четыре. Возвратившись обратно въ портикъ, мы хотѣли осмотрѣть остальные могилы, пройдя черезъ другія двери портика, но намъ объяснили, что могильныя помѣщенія, ведущія черезъ двѣ другія двери, такого же вида, какъ и только что разсмотрѣнныя. Всѣхъ комнатъ, гдѣ помѣщаются гробницы, около десяти, и всѣ могильныя пещеры занимаютъ пространство въ семьдесятъ пять футовъ, съ одной стороны, и пятьдесятъ футовъ, съ другой. Протяженіе, занимаемое гробницами, какъ видно, внушительныхъ размѣровъ; это—цѣлое кладбище, могущее помѣстить множество покойниковъ. Около одного изъ отверстій, ведущихъ въ могильныя помѣщенія, мы замѣтили большой круглый камень, прислоненный къ стѣнѣ и служащій, повидимому, для того, чтобы закрывать это отверстіе. Невольно вспомнился намъ при этомъ тотъ камень, про который говорили нѣкогда жены мироносицы, идя помазать тѣло Иисусово и думая о томъ, „кто отвалитъ имъ камень отъ двери гроба“.

Нѣкоторые ученые полагаютъ, что эти усыпальницы есть ничто иное, какъ надгробный памятникъ Ирода Великаго. Другіе утверждаютъ, что это есть могила королевы Елены Адавенской, которая еще въ своемъ отечествѣ, одной изъ провинцій Ассирійскаго царства, приняла еврейскую вѣру и съ своимъ сыномъ Изатомъ, въ 48 г. по Р. Х., переселилась въ Иерусалимъ. Изать съ своею матерью и своимъ многочисленнымъ потомствомъ и былъ погребенъ въ этомъ пышномъ мавзолеѣ. Во всякомъ случаѣ, эти пещеры не могли быть спеціальнымъ мѣстомъ вѣчнаго упокоенія еврейскихъ царей, такъ какъ извѣстно, что всѣ почти еврейскіе цари были похоронены въ разныхъ мѣстахъ въ самомъ Иерусалимѣ. Но, судя по изяществу украшеній и по величественности сооруженій, эти гробницы должны были принадлежать знатнымъ еврейскимъ фамиліямъ, не жалѣвшимъ средствъ для своего погребенія.

Еще жарче стало намъ, когда мы, осмотрѣвши гробницы, въ помѣщеніи которыхъ было достаточно прохладно и сыро, вышли на дворъ и по ступенькамъ поднялись вверхъ. Съ

ЮСФАТОВА ДУЛИНА

къ стр. 675.

низкимъ поклономъ проводилъ насъ турокъ—проводникъ, получивши хорошую подачку за свои услуги. Отсюда мы рѣшили объѣхать Іерусалимъ уже знакомою намъ „долиною страшнаго суда Божьяго“, „Іосафатовою долиною“, окаймляющею Іерусалимъ съ востока. Направившись къ Дамасскимъ воротамъ, мы обратили свое вниманіе на зіяющую черную пасть въ скалѣ. Это и есть, по преданію, *пещера пророка Іереміи*, находящаяся противъ Дамасскихъ воротъ. Сюда мы не заходили, по недостатку времени, довольствуясь только рассказами нашихъ свѣдущихъ проводниковъ о преданіяхъ, связанныхъ съ этою пещерою. Преданіе же гласитъ, что тутъ пророкъ Іеремія, скорбѣвшій о нечестіяхъ и злополучіяхъ своей бѣдной родины, сокрылъ на вѣки, до часа страшнаго суда Божія, кивотъ Завѣта, манну небесную и прозябшій жезлъ Аарона. Отсюда же пророкъ созерцалъ разрушеніе роднаго Іерусалима и изливалъ о гибели Израиля тотъ горькій плачь, который составляетъ теперь содержаніе книги съ такимъ же названіемъ — „Плачь“. Затѣмъ, мимо мѣста побіенія первомученика Стефана, гдѣ теперь видны развалины, какъ говорятъ, византійской церкви, посвященной имени первомученика, мы спустились къ подножію Елеонской горы, и своротивъ направо, мимо Геесманскаго сада, поѣхали вдоль подошвы горы Елеонской, по безотрадному ложу сухихъ камней потока Кедронскаго. Солнце склонялось къ западу, освѣщая вершины Елеона и зубчатая стѣны Іерусалимскія, все болѣе и болѣе оставляя насъ въ тѣни. „Долина страшнаго суда Божія“ глядѣла теперь на насъ массою своихъ бѣлыхъ камней, торчавшихъ изъ земли будто окаменѣлые скелеты погребенныхъ здѣсь народовъ, оставившихъ здѣсь свои слѣды. Трудно разобрать въ этомъ лабиринтѣ камней и развалинъ и отличить обрушившіяся скалы отъ остатковъ человѣческихъ сооруженій. Мы опять совсѣмъ близко проѣзжаемъ мимо тѣхъ трехъ великихъ, лежащихъ одна возлѣ другой, гробницъ, которыя считаются гробницами Авессалома, Іосафата и пророка Захаріи, умерщвленнаго царемъ Іоасомъ. Последнюю нѣкоторые считаютъ за гробницу пророка Исаи, замученнаго на этомъ мѣстѣ. Показываютъ тутъ и остатки древней маслины, къ которой великій пророкъ привязанъ былъ и на которой жестокій царь Манассія, его

родственникъ, распилилъ его деревянною пилою. Мрачно выглядываютъ эти гробницы, окутанныя тѣнью, навѣвая грустныя думы. Проѣзжаемъ затѣмъ мимо Силоамскаго колодезя, или „Купели Силоамской“, происхожденіе которой, по преданію, связано съ трогательною мученическою кончиною пророка Исаи, для утоленія жажды котораго чудодѣйственно открылся этотъ источникъ. Передъ зияющею черною аркою надъ входомъ въ него мы остановились. Оттуда доносились рѣзкіе дѣтскіе голоса. Нѣкоторые изъ насъ спустились въ подземелье и увидали весело плескавшихся въ водѣ источника черныхъ арабскихъ ребятишекъ, которые, скаля зубы, другъ передъ другомъ кричали: „бакшишь, бакшишь“. Одаривъ, къ великой радости ихъ, паричками, мы направились далѣе и въѣзжаемъ въ долину Енномову, евангельскую „геенну огненную“, съ которою соединено столько ужасныхъ историческихъ воспоминаній. Въ дни царей тутъ были цвѣтущіе сады, тѣнистыя рощи, которыя нечестивыми царями наполнялись идолами Астарты. Въ виду этого, благочестивый царь Іосія повелѣлъ заваливать геенну всѣми нечистотами города, чтобы уничтожить эти оскверненныя идолопоклонствомъ рощи. Теперь долина Еннома изрыта и покрыта гробами, хотя посаженные здѣсь фруктовые сады значительно скрашиваютъ мрачный колоритъ этой страшной долины и мало напоминаютъ ужасныя евангельскія картины „геенны огненной“. Отсюда поднимаемся въ гору, къ мѣсту, гдѣ расположено было „село Скудельничье“, купленное архіереями и старцами цѣною Христовой крови, *въ погребеніе страннымъ*. Съ тѣхъ поръ до недавняго времени тутъ дѣйствительно и погребались пришельцы во святыи градъ и паломники. Недалеко отсюда находится пещера преподобнаго Онуфрія, которую мы посѣтили и очень ласково были приняты греческими монахами. Отсюда восхитительный видъ на Іерусалимъ и окрестности. Это былъ конечный пунктъ нашего путешествія. Спустившись затѣмъ въ долину и обогнувъ Сіонскую гору, мы вступили на Внелеемскую дорогу, и мимо Яффскихъ воротъ возвратились уже вечеромъ на Русскія постройки.

Послѣ ужина состоялось общее совѣщаніе подъ предѣтельствомъ Преосвященнаго, при участіи о. Начальника мисіи, архим. Александра, Н. Г. Михайлова и каваса Марко. Пред-

метомъ совѣщаній были два вопроса: а) составъ отправляющихся въ Галилею и б) способъ путешествія. По первому вопросу опредѣлилось, что не всѣ изъ нашей компаніи могутъ и желаютъ отправиться туда. Причины были разныя: болѣзненное состояніе (лихорадка, которою страдали два студента) и усталость, „тоска по родинѣ“ (ностальгія) — болѣзнь, хорошо знакомая путешественникамъ по чужимъ странамъ, финансовыя затрудненія; а два студента вмѣстѣ съ докторомъ рѣшились отправиться черезъ Александрію въ Египетъ, въ Каиръ и на пирамиды, не смотря на свирѣпствовавшую тамъ чуму и необходимость выдержать, по возвращеніи оттуда, десятидневный карантинъ. Такимъ образомъ ряды нашей компаніи начали рѣдѣть. Составъ желающихъ отправиться въ Галилею опредѣлился слѣдующій: преосвященный Ректоръ, о. Начальникъ миссіи, архим. Александръ, профессора — Н. Θ. К-въ и В. Н. М-въ, о. Анастасій, студенты: Ш-въ, С-въ, В-чь, Н-кій, прот. В-въ съ сыномъ, преподавателемъ Петербургской семинаріи, о. В-фій, Новгородскій миссіонеръ. — Что касается второго вопроса, то тутъ тоже между участниками поѣздки произошло раздѣленіе. Дѣло въ томъ, что въ Назаретъ отправляются обыкновенно двумя путями: прямо на сѣверъ, по такъ называемой Наблусской дорогѣ, и параллельно берегу Средиземнаго моря, черезъ Каифу. Первый путь значительно интереснѣе второго, такъ какъ пролегаетъ по мѣстамъ, съ которыми связаны тѣ или другія священные воспоминанія; но за то онъ и неизмѣримо труднѣе, такъ какъ по немъ можно только ѣхать на ослахъ верхомъ вслѣдствіе гористой мѣстности, по которой въ собственномъ смыслѣ дороги нѣтъ, а — узкія тропинки, то спускающіяся, то поднимающіяся. Проѣхать болѣе трехъ сутокъ разстояніе въ 120 верстъ до Назарета, — не всякій рѣшится, особенно теперь, въ самое жаркое время года. Кромѣ этого, нужна была привычка къ подобному способу ѣзды — на осликахъ, — чего у насъ не доставало. Поѣздка верхомъ на ослахъ въ монастырь Саввы и вокругъ Іерусалима была пробнымъ подготовительнымъ урокомъ для такой же поѣздки въ Назаретъ. Оказалось, что не всѣ выдержали этотъ пробный урокъ. Иные заболѣли, иные хотя и крѣпились, но не желали повторенія подобныхъ опытовъ, особенно на такое большое разстояніе. Были минуты, когда представленія

о трудностяхъ пути по пустынѣ брали верхъ надъ желаніемъ совершить этотъ интересный путь верхомъ на ослахъ, и тогда всѣ рѣшали ѣхать вторымъ путемъ, въ экипажахъ.

Наконецъ, послѣ сомнѣній и колебаній, компанія участниковъ поѣздки въ Галилею относительно способа путешествія раздѣлилась на слѣдующія двѣ группы. Первый путь избрали: Преосвященный Ректоръ, проф. Мышцынъ (который впрочемъ, возвратился съ дороги по болѣзни), Новгородскій миссіонеръ о. Варсонофій и студенты: Ш-нъ, С-въ и В-чъ. Другимъ путемъ въ экипажахъ рѣшили ѣхать: о. Начальникъ миссіи, архим. Александръ, проф. Н. Θ. К-въ, прот. В-въ съ сыномъ и студентъ Н-кій. Выѣздъ назначенъ на завтра, въ десять часовъ дня.

3-е Юля. Понедѣльникъ. Литургія на Голгоѣ. Прощаніе съ Патриархомъ. Напутственный молебенъ на русскихъ постройкахъ. Прощаніе съ оставшимися спутниками. Послѣдній взглядъ на Иерусалимъ. Ел-Исавіе. Шафатъ-Номва. Тельель-Фуль=Гива. Неби-Самуиль. Аната. Эль-Джибъ=Гаваонъ. Рама. Михмасъ. Ель-Бире. Бетинъ—Веонъ.

Наконецъ, давно ожидаемая минута близка. То, что было лишь мечтою многихъ изъ насъ, должно сейчасъ осуществиться. Скоро мы увидимъ тотъ благословенный городокъ съ его окрестностями, гдѣ провелъ свое дѣтство и юность Спаситель міра, приготовляясь къ великому служенію для искупленія рода человѣческаго. Не въ далекомъ будущемъ мы будемъ тамъ, гдѣ произошло начало нашего спасенія, будемъ стоять на томъ мѣстѣ, гдѣ Богоматерь услышала архангельскую вѣсть о рожденіи ея Мессія.

Скорѣ бы, скорѣ въ этотъ дорогой для сердца cadaго христіанина городъ Назаретъ! Скорѣ бы въ эту область Галилеи, столь любимой Спасителемъ и располагавшей Его къ Божественнымъ рѣчамъ о царствѣ Божіемъ!

Отъѣздъ былъ назначенъ на время послѣ обѣда. Утромъ же Преосвященный вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ совершилъ божественную литургію въ храмѣ Воскресенія Господня, на Голгоѣ. Богослуженіе, какъ и первое при Гробѣ, было почти исключительно русское и привлекло массу народа. Шѣли мы вмѣстѣ съ русскими богомолками. Евангеліе

и Апостоль были прочитаны по гречески и по русски Нѣкоторые возгласы и молитвы Преосвященный произносилъ по гречески. Къ особенностямъ богослуженія на Голгоѣѣ относится, между прочимъ, то, что оно совершается безъ митры, не исключая и самого Патріарха ¹⁾).

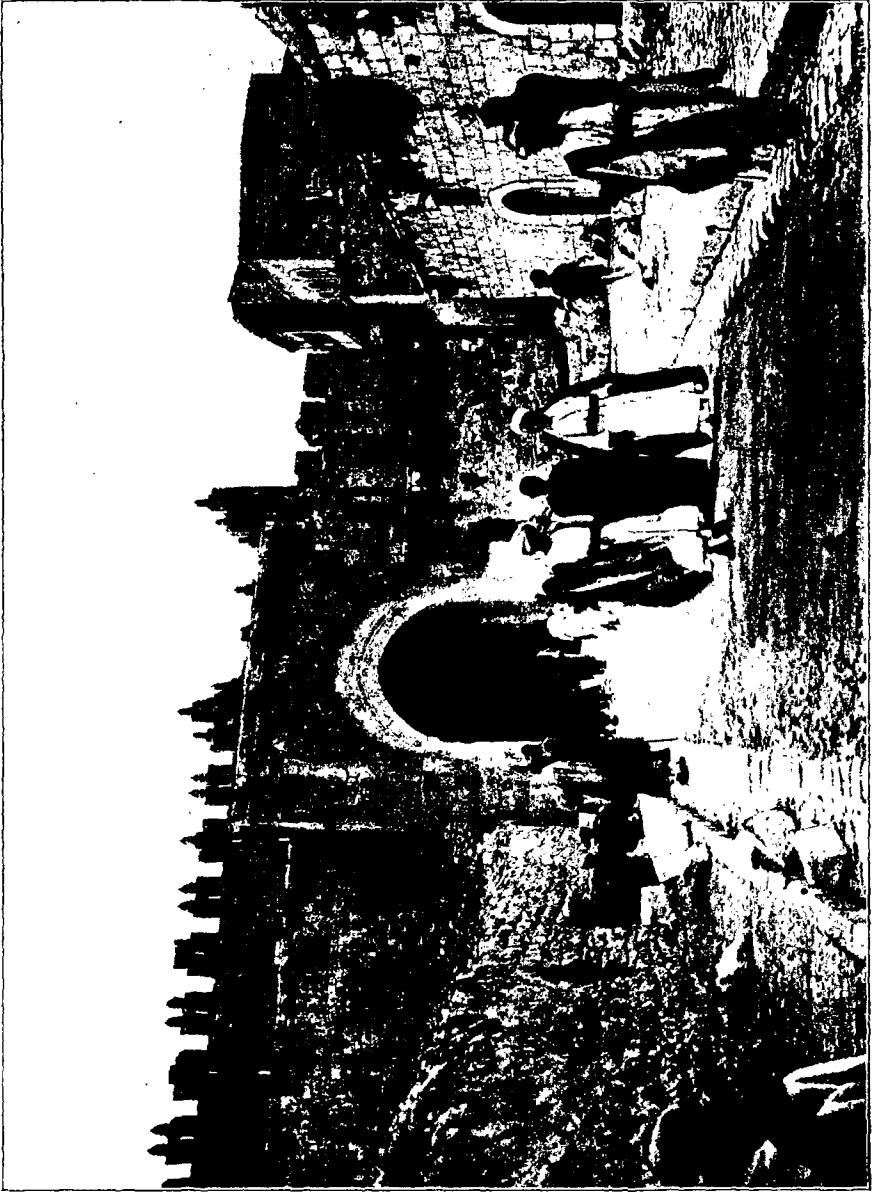
По окончаніи литургіи, мы въ послѣдній разъ приложились къ Гробу Господню, на которомъ и освятили купленные на память крестикъ и образки. Изъ храма Гроба Господня отправились за принятіемъ благословенія къ Патріарху. Онъ благословилъ каждаго жестяною иконою, изображающею воскресеніе Христа, съ надписью: *εὐλογία ἐκ τοῦ παραγίου καὶ ζωοποιῦ τάφου τοῦ Ζωτήρος ἡμῶν Χριστοῦ*“ (икона сдѣлана въ Москвѣ, на фабрикѣ Жако и дозволена къ печати цензоромъ прот. Іоанн. Петропавловскимъ. Марта 28, 1898 г.), четками, засушенными іерусалимскими цвѣтами и своимъ портретомъ. А проф. Н. Ѡ. Каптерева наградила золотымъ крестомъ съ частицею животворящаго древа во вниманіе къ его ученымъ трудамъ по исторіи греческой Церкви и ея отношенія къ русской.

Послѣ обѣда состоялся отъѣздъ Преосвященнаго и его спутниковъ въ Назаретъ. Уже съ самаго утра около новаго подворья собирался народъ, узнавшій объ отъѣздѣ Преосвященнаго. Ко времени же обѣда собралась значительная толпа, желавшая получить благословеніе. По окончаніи крат-

¹⁾ Причина этого слѣдующая, связанная съ возвращеніемъ Креста Господня изъ Персіи. Какъ извѣстно, Св. животворящій Крестъ Господень, обрѣтенный св. царицей Еленой въ 326 году, хранился въ Іерусалимѣ до 614 года, когда Хозрой II, царь Персидскій, вторгся въ Палестину, сжегъ еврейскій храмъ и похитилъ св. древо креста. Четырнадцать лѣтъ находилось оно въ Персіи. Византійскій императоръ Ираклій I разбивъ Сироэса, сына Хозроя, заключилъ съ нимъ миръ, послѣ котораго св. древо было возвращено и вновь съ торжествомъ поставлено въ іерусалимскомъ храмѣ. Самъ императоръ принялъ святыню на свои рамена и несъ ее отъ Елеонской горы по направленію къ Іерусалиму. Дойдя до Голгоѣы, онъ былъ вынужденъ остановиться. Невидимая сила удерживала святыню, у императора не хватало силъ двинуть ее съ мѣста. Патріархъ Захарія разъяснилъ Ираклію, что это — вразумленіе Божіе, что Сынъ Божій несъ крестъ на Голгоѣу не въ блескѣ царскаго одѣянія, а въ смиреніи и униженіи. Тогда Ираклій снялъ свои драгоценныя одежды и босой поднималъ крестъ и внесъ его на Голгоѣу. Съ тѣхъ поръ и священнослужачіе не надѣваютъ митръ.

каго напутственнаго молебна, Преосвященный вышелъ и благословилъ народъ. Было ровно часъ дня, когда мы оставили гостепріимное русское подворье, чтобы отправиться въ Назаретъ. Преосвященный покуда ѣхалъ въ коляскѣ съ провожавшими его: о. Начальникомъ миссіи, проф. Каптеревымъ и Михайловымъ. Всѣ остальные путники—на ослахъ, кромѣ каваса Марко, подъ которымъ была прекрасная арабская лошадь бѣлой масти. Два маленькихъ сына Н. Г. Михайлова, Сережа и Павлуша, сидя на маленькихъ осликахъ съ разукрашенными сѣдлами, также были въ числѣ провожающихъ. Въ такомъ торжественномъ шествіи нашъ кортежъ направился къ Дамасскимъ воротамъ, обращая на себя вниманіе любопытныхъ туземцевъ. Русскія же богомолки, завидѣвшія еще издали коляску Преосвященнаго, останавливались, чтобы отвѣсить ему чуть-ли не земной поклонъ. Онѣ, вѣроятно, досадовали на то, что не могли поспѣть во-время на русскія постройки проводить своего архіерея и въ общей молитвѣ, за напутственнымъ молебномъ, испросить у Бога благополучнаго пути русскому архипастырю, доставившему такъ много счастливыхъ и незабвенныхъ минутъ русскимъ паломникамъ своими торжественными и умиляющими душу богослуженіями во св. Градѣ. Оглядываясь назадъ, мы видѣли, какъ эти простыя сердцемъ, религіозныя женщины, долго стояли еще на одномъ мѣстѣ, зорко смотря намъ вслѣдъ и набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Зрѣлище умишительное, и падо долго не изгладится изъ нашей памяти! Мы видѣли, какъ нѣкоторыя изъ нихъ подносили къ своимъ глазамъ ситцевыя платки, чтобы отереть наvertsывавшіяся слезы, всегда неразлучныя при разставаніи съ близкими сердцу людьми. Сознвая, что онѣ опять останутся однѣ, вдали отъ родины, среди чуждыхъ имъ людей, которые ихъ не понимаютъ и понять не могутъ, бѣдныя странницы, естественно, должны были чувствовать сугубую скорбь разлуки. Здѣсь рельефно проявились уваженіе и любовь русскихъ людей къ православнымъ русскимъ пастырямъ, а, въ особенности, къ русскому епископу, пріѣхавшему изъ родной имъ Россіи.

Доѣхавши до Дамасскихъ воротъ, мы свернули влѣво и поѣхали по Наблусской дорогѣ мимо доминиканскаго монастыря, оставивъ вправо пещеру прор. Іереміи, находя-

ДАМАСКІЯ ВОРОТА.

шуюся на растояніи трехсотъ шаговъ отъ воротъ. Скоро мы должны были остановиться для прощанія съ провожавшими насъ. Прощаніе было весьма трогательное, особенно съ Н. Г. Михайловымъ, такъ внимательно относившимся къ намъ во все время пребыванія нашего въ Іерусалимѣ. Въ лицѣ его Преосвященный поблагодарилъ Палестинское Общество за тѣ удобства, которыя оно доставило намъ и облегчило намъ наше путешествіе. До скорого свиданія простились мы съ о. Начальникомъ миссіи, проф. Каптеревымъ, о. Анастасіемъ и другими спутниками, которые завтра имѣли выѣхать инымъ путемъ въ Назаретъ. До далекаго свиданія, въ Посадѣ, распростились мы и съ остальными спутниками нашими — студентами, изъ которыхъ одни на другой день имѣли отправиться въ Египетъ, страну фараоновъ, а другіе, по болѣзни или снѣдаемые „тоской по родинѣ“,—въ дорогую Россію. Получивъ архипастырское благословеніе Преосвященнаго, всѣ провожавшіе насъ отправились обратно въ Іерусалимъ, сіявшій теперь во всемъ блескѣ отъ полуденнаго солнца. Невольно слезы полились изъ глазъ. Прощай Св. Градъ!

Два часа дня. Жара во всемъ разгарѣ. Но надо спѣшить, что бы до вечера достигнуть назначеннаго ночлега въ Бетинѣ. Поудобнѣе разѣввшись на своихъ маленькихъ животныхъ и, по возможности, освободивъ себя отъ лишней одежды, приготовились мы къ трудному и, какъ намъ говорили, едва выносимому, въ такое жаркое время, путешествію. Преосвященный, надѣвшій вмѣсто рясы бѣлый шерстяной плащъ и смѣнивъ клубокъ на сѣрую шляпу съ широкими полями, прищипавъ къ краямъ ихъ бѣлый платокъ для защиты отъ солнца, быстро сѣлъ на осла, приказавъ немедленно двинуться въ путь. Теперь вполне опредѣлившаяся наша кавалькада расположилась на пути такимъ образомъ. Впереди, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ, ѣхалъ на прекрасной арабской лошади турецкій жандармъ, съ ружьемъ за плечами, готовый каждую минуту защищать насъ отъ нападенія кочующихъ бедуиновъ. За нимъ, также на лошади, чистой бѣлой масти, ѣхалъ уже извѣстный читателю черногорецъ Марко, красиво сидящій на своемъ арабскомъ скакунѣ, гордо носящемъ на себѣ стройнаго всадника, издали казавшагося совершенно молодымъ, благодая своему вы-

прямымъ, какъ у юноши, стану. Затѣмъ—Преосвященный, возсѣдавшій на прекрасномъ осликѣ, а позади него проф. Мышцынъ, державшій въ рукахъ карту Палестины и сосредоточенно разсматривавшій ее, дѣлая отмѣтки въ своей записной книжкѣ. Спрашивая каваса о названіи попадавшихся селеній, онъ дѣлалъ по поводу этого нѣсколько замѣчаній, отъ времени до времени перебрасываясь съ Преосвященнымъ стрывочными фразами касательно тѣхъ или иныхъ историческихъ мѣстностей, черезъ которыя приходилось проѣзжать. За ними, также на осликахъ, ѣхали: Новгородскій миссіонеръ и три студента—Ш-нъ, С-въ и В-чъ, каждый съ своими мыслями и своими думами. Заключали нашу кавалькаду: лакей при гостиницѣ на Русскихъ постройкахъ, Несторъ, въ качествѣ буфетчика, и погонщикъ ословъ, арабъ, вооруженный внушительною дубиною, которою подчасъ и угощалъ отстававшихъ нашихъ ословъ, издавая при этомъ странные звуки, пугавшіе этихъ животныхъ и заставлявшіе ихъ прибавлять шагу. А раньше этого, еще съ утра, посланы были впередъ кавасъ Палестинскаго Общества и два араба съ нашими вещами и палатками; въ мѣстахъ, предположенныхъ для отдыха и ночлега, они должны были напередъ все приготовить.

Становилось страшно жарко. Особенно трудно было ѣхать по этой каменистой, пустынной мѣстности, гдѣ не видно ни одного кусточка зелени, на которомъ могъ бы отдохнуть глазъ путешественника. Солнце немилосердно палило насъ. дневной жаръ давалъ себя знать. Окидывая взоромъ пространство направо и налево отъ дороги, а также впередъ свой взоръ впередъ, мы замѣчаемъ множество холмиковъ различныхъ высотъ; у подошвы послѣднихъ и на вершинахъ ихъ видны груды камней. Это — ничто иное, какъ остатки нѣкогда большихъ селеній, а теперь представляющихъ собою только жалкія руины, рѣдко даже посѣщаемыя путешественниками, или же небольшія деревушки съ жалкимъ по количеству населеніемъ. Имена этихъ селеній пробуждаютъ въ насъ рой библейскихъ воспоминаній, заставляя насъ углубляться мыслью въ глубь времени, ко временамъ Спасителя, или же ранѣе того. Вотъ, направо отъ дороги, въ двухъ верстахъ отъ города, кавасъ указалъ намъ на спрятавшуюся въ долинкѣ между холмами деревушку,

назвавъ ее *ел-Исавія*, или деревня Иисуса, гдѣ, по преданію, часто бывалъ Спаситель на пути въ Іерусалимъ. Съ лѣвой стороны, мы видимъ холмъ Скопусъ, съ вершины котораго въ древнія времена непріятель часто обозрѣвалъ городъ, который съ этого холма представлялъ величественную панораму, наполняя завистью сердца будущихъ завоевателей, рѣшавшихся на этой горѣ непременно овладѣть чуднымъ городомъ съ его великолѣпными зданіями, исполненными богатства и роскоши. Храмъ же Соломона, блестя на солнцѣ золотистыми искрами, въ своей волшебной прелести, еще болѣе распалаялъ хищническіе инстинкты ихъ. По преданію, на этомъ холмѣ, первосвященникъ Іаддуй въ полномъ блестящемъ облаченіи, окруженный священниками, левитами и старѣйшинами города, встрѣтилъ великаго завоевателя Александра, который, по завоеваніи Тира, рѣшился овладѣть свящ. городомъ и наказать непослушныхъ жителей Іерусалима. Восхищенный этой встрѣчей, а можетъ быть пораженный чуднымъ видомъ св. города, онъ измѣнилъ свое намѣреніе разорить Іерусалимъ, примирившись съ Іудеями въ лицѣ ихъ главныхъ, встрѣтившихъ его, представителей, и оказалъ городу даже свое могущественное покровительство. На этой же голой скалѣ Скопуса крестonosцы преклонили свои колѣни, увидѣвъ этотъ городъ, гдѣ произошло примиреніе Бога, принесена страшная жертва за грѣхи всего міра. Мы живо представляемъ себѣ картину, когда набожные рыцари св. Креста, позабывъ о перенесенныхъ ими въ дорогѣ трудахъ и лишеніяхъ, смотрѣли на этотъ чудный градъ, на эту колыбель христіанства, съ воздѣтыми къ небу руками, благодаря Бога за достиженіе конца ихъ странствованія.

Находясь близъ этого холма, на достаточной высотѣ, мы оглянулись назадъ, чтобы въ послѣдній разъ полюбоваться святымъ городомъ, такъ дорогимъ сердцу каждаго христіанина, запечатлѣть въ своей душѣ образъ св. града. Сознаніе, что мы навсегда прощаемся съ мѣстомъ великихъ подвиговъ Спасителя, навѣвало на наши души облако грусти, чувство глубокой печали овладѣвало нашими сердцами. Сѣрая линія зубчатыхъ стѣнъ окружаетъ, какъ поясомъ, громадную площадь мечети Омара; городскіе дома представляются отсюда какъ бы однимъ сплоченнымъ бѣлымъ зданіемъ; минареты, въ видѣ столбовъ, возвышаются надъ нимъ. Но нашъ

взоръ не довольствуется этимъ: онъ хочетъ проникнуть въ видимое издали зданіе съ полукруглымъ куполомъ, съ крестомъ на вершинѣ, въ этотъ храмъ Воскресенія, въ то мѣсто въ центрѣ этого храма, гдѣ находится св. Гробъ Господа. Наше вниманіе также привлекаетъ гора Елеонская, съ высокою колокольней храма, напоминающая о Вознесеніи Господнемъ. За этою горою виднѣются темныя долины Іудеи и дикіе холмы пустыни Іудейской. „Прощай Іерусалимъ, святыня Ізриля, святыня христіанства, святыня Ислама,—больше мы тебя никогда не увидимъ“, такъ думалъ почти каждый изъ насъ, отвращая въ послѣдній разъ свой взоръ отъ св. города.

На пригорокѣ, близъ вершины Скопуса, лежитъ деревня *Шафатъ*. По преданію, Шафатъ лежитъ на мѣстѣ древняго города Номвы, гдѣ во времена Саула стояла скинія, и гдѣ Давидъ, преслѣдуемый Сауломъ, искалъ убѣжища у преданнаго ему священника Ахимелеха. Саул жестоко отмстилъ священникамъ за оказанное Давиду гостепріимство, разрушивъ до основанія самый городъ. Рядомъ съ Шафатомъ возвышается холмъ конической формы Тель-эль-Фуль, въ 2750 футовъ высоты. При раскопкахъ, на вершинѣ этого холма была найдена искусственная каменная площадка, покоившаяся на грубыхъ стѣнахъ, на основаніи чего предполагають, что этотъ холмъ въ прежнее время игралъ роль сторожеваго поста, видимаго изъ Іерусалима. Нѣкоторые ученые увѣряють, что на этой возвышенности стоялъ нѣкогда городъ *Гива*, принадлежавшій къ области Гивы Веніаминовой, простиравшейся далѣе на сѣверо-востокъ къ Рамѣ. При видѣ этихъ развалинъ Тель-эль-Фуля, намъ невольно вспомнился страшный эпизодъ изъ исторіи древняго города Гивы, вѣроломные жители котораго жестоко поступили съ женою одного левита, укрывшагося отъ ночной мглы въ домъ одного Гивитянина. Кому неизвѣстно это мрачное библейское событіе, когда, пылая мстью, мукъ умерщвленной жителями Гивы жены, разрѣзавъ на куски тѣло послѣдней, и отославъ ихъ во все предѣлы Израилевы, требуя отмщенія? Дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, когда мы, смотря на мѣсто древняго города Гивы, вспоминаемъ его прошлое... Впослѣдствіи здѣсь иногда жилъ Саулъ, отдыхая подъ дубомъ и устраивая пиры, для своихъ товарищей по оружію

каждое новомѣсячіе. На западъ отъ Тель-эль-Фуля лежитъ довольно высокій холмъ *Неби—Самуэль*, названный такъ въ честь пророка Самуила, который, какъ говоритъ преданіе, похороненъ на вершинѣ этой горы. Видимый нами на самомъ высокомъ мѣстѣ ея стройный минаретъ принадлежитъ мечети, которая передѣлана изъ построенной крестоносцами церкви, поставленной, по ихъ предположенію, надъ самой могилой Самуила. Близъ минарета видны группы масличныхъ деревьевъ, которыя для глазъ являются какъ бы зеленѣющимъ оазисомъ среди этой дикої каменистой пустыни. Этотъ холмъ, по всей вѣроятности, былъ въ древности сторожевымъ постомъ, такъ какъ, благодаря своей высотѣ, онъ представляетъ самый удобный пунктъ въ Палестинѣ для обозрѣнія окрестностей,— на что и указываетъ его древнее названіе „Массифа“. У подножія этого холма видно небольшое селеніе Бейтъ-Ханинъ, представляющее собою издали массу набросанныхъ безъ всякаго порядка камней. „Массифа“ часто упоминается въ Библии, будучи мѣстомъ различныхъ важныхъ событій изъ исторіи народа Божія. Сюда часто приходилъ Самуилъ судить народъ, сюда же собрались евреи для избранія себѣ перваго царя; она же часто бывала мѣстомъ собранія народа для рѣшенія различныхъ вопросовъ, особенно во времена Самуила. Этотъ холмъ крестоносцы называли холмомъ радости, благодаря восхитительному виду отсюда на Иерусалимъ, отъ котораго сердце cadaго христіанскаго богомольца наполняется радостнымъ восторгомъ.

Направо отъ дороги на высокомъ холмѣ мы видимъ деревню *Аната*, которая есть библейскій Анаѳоѳъ, мѣсто родины пророка Іереміа, котораго его родичи въ этомъ же мѣстѣ хотѣли умертвить за то, что онъ предвѣщалъ имъ несчастія. Іеремія, по всей вѣроятности, часто ходилъ по пустынѣ, по которой проѣзжаемъ теперь и мы, оплакивая плѣненіе своихъ соотечественниковъ и надѣясь на лучшіе блаженные дни богоизбраннаго народа, претерпѣвавшаго страшныя невзгоды за свои грѣхи, по волѣ Іеговы. На востокъ и сѣверъ отъ Анаѳоѳа тянутся бугроватые мѣловые хребты горъ, имѣющіе съ западной стороны округленныя формы. Холмъ, на которомъ помѣщается Аната, имѣетъ вершину высотой въ 2225 фут. надъ уровнемъ моря. Жаль, что намъ нѣтъ времени подняться на вершину этого холма, въ

самую деревню: видъ изъ нея на окрестности Іерусалима, говорятъ, восхитительный!

Налѣво, къ сѣверо-западу отъ дороги, на холмѣ, видна деревня *эль-Джибъ*, стоящая на мѣстѣ древняго Гаваона. Издали довольно трудно разсмотрѣть отдѣльныя строеія этой деревни. Она какъ бы вся помѣщается въ какомъ-то огромномъ зданіи, загроможденномъ неопредѣленной формы строеіями. Здѣсь передъ древнимъ Гаваономъ, на круглой долинѣ, находится то знаменитое поле битвы, гдѣ Іисусъ Навинъ поразилъ пять союзныхъ царей, вооружившихся противъ Гаваона, и произнесъ всѣмъ извѣстныя слова: „да станетъ солнце прямо Гаваону, и луна прямо дебри Элонъ“. Да, многихъ великихъ событій Гаваонъ и его окрестности были свидѣтелями! Здѣсь стояли лагеремъ войска Давида и сына Саулова, Іевусея, которыхъ раздѣлялъ только одинъ источникъ, теперь, конечно, пересохшій. Здѣсь, въ ожесточенномъ единоборствѣ, пали по 12 юношей съ каждой стороны, желая похвастаться другъ передъ другомъ своею храбростью. Здѣсь, близъ источника, Іоавъ, преданный Давиду, низкою хитростью умертвилъ своего соперника Амессая, который „лежалъ въ крови среди дороги“. Здѣсь же, въ Гаваонѣ, Соломонъ на построенномъ алтарѣ принесъ во всеожоженіе тысячу животныхъ, выпросивъ себѣ у Господа „сердце разумное“, чтобы по справедливости судить народъ Израильскій. Въ Гаваонѣ же, Іеремія и его люди были освобождены отъ руки халдеевъ; здѣсь, Іоаннъ, сынъ Карея, съ своими людьми преслѣдовалъ Исмаила, убійцу Годоліи, настигнувши его „у большихъ водъ въ Гаваонѣ“. Кто бы могъ подумать въ то время, что этотъ нѣкогда большой амморейскій городъ современемъ превратится въ бѣдную деревушку, не отличающуюся отъ окружающихъ ее селеній?

Предаваясь размышленіямъ о перемѣнчивости временъ, мы медленно подвигаемся впередъ по этой дикой каменистой пустынѣ. Все та же сѣрая, печальная картина, все тотъ же грустный, неприглядный видъ по сторонамъ! И только небо, голубое и мягкое, нѣжное и глубокое, раскинувшись безконечнымъ шатромъ надъ этой угрюмой пустыней, нѣсколько ласкаетъ наши взоры. Дорога, благодаря своему однообразію, становится нѣсколько утомительной, и мы съ нетерпѣніемъ ждемъ первой остановки. И если бы не би-

блейскія воспоминанія, навѣваемые на насъ историческими мѣстами, дорога казалась бы для насъ безконечной. Путь, по которому мы совершаемъ наше паломничество, называется почему-то „царской“ дорогой: отъ того-ли, что она начинается отъ царскихъ гробницъ, отъ того-ли, что по ней направлялись цари-завоеватели,—сказать трудно. Марко объясняетъ, что названіе свое она получила отъ удобства ея, сравнительно съ другими дорогами, — отъ удобства, достойнаго быть дорогою даже для царей. Можетъ быть, и такъ. Но каковы же должны быть другія дороги, если и эта „царская“ представляетъ столько трудностей для путешественниковъ? Вотъ, на востокъ отъ дороги, на возвышенномъ равностороннемъ, отлогомъ, скалистомъ холмѣ, имѣющемъ видъ опрокинутой воронки, лежитъ маленькая деревушка. Это—бывшая *Рама*, родина великаго пророка Самуила. Чтобы достигнуть до самой Рамы, мы должны свернуть съ дороги вправо и потерять на это не менѣе двухъ часовъ времени, такъ какъ она отстоитъ отъ насъ на разстояніи четырехъ верстъ. Мы удовлетворились только видомъ ея съ дороги. На высокомъ холмѣ, гдѣ помѣщается деревушка ер-Рамъ, видны какія-то развалины: это-остатки церкви и башни, построенныхъ крестоносцами. Возвышенное мѣстоположеніе этой арабской деревни говоритъ отчасти въ пользу того, что это, дѣйствительно, было мѣстопробываніе Самуила, древняя Рама, такъ какъ „Сауль, говоритъ Библия, чтобы видѣть пророка, поднимался вверхъ въ городъ“. Намъ живо приходитъ на мысль встрѣча этого будущаго помазанника на царство съ великимъ прозорливцемъ, котораго Господь заранѣе предупредилъ о приходѣ къ нему Саула. Тамъ, на верху холма, стоялъ нѣкогда домъ Самуила, куда пригласилъ послѣдній Саула пообѣдать и отдохнуть. Спустившись же изъ города, у подошвы этого холма, пророкъ помазалъ Саула на царство, выливъ на его голову елей изъ сосуда. Вспоминается и пророчество Іереміи, приведенное еванг. Матѣемъ по поводу избіенія младенцевъ Иродомъ: *гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть плача и рыданія и вопля: Рахиль плачущая чадъ своихъ, и не хотяше утѣшиться, яко не суть* (Іер. XXXI, 15. Матѣ. 2, 18). Къ востоку отъ Рамы, въ верстахъ четырехъ отъ нея, лежитъ деревушка *Мизмасъ*, приютившаяся на скалѣ. Скала эта была мѣстомъ подвиговъ

Ионаана, который, „цѣпляясь руками и ногами, поднимался вверхъ съ оруженосцемъ своимъ, добывавшимъ Филистимлянъ, падавшихъ передъ храбрымъ сыномъ Сауловымъ“. Хотя эта скала и не очень крута, но, какъ говорятъ, подъемъ на нее очень труденъ, ибо она покрыта каменистыми слоями, слой надъ слоемъ. Отъ Михмаса пачинается ущелье между скалами, которое въ древности было главной дорогой съ востока въ нагорную часть центральной Палестины, и черезъ которое вели въ Вавилонъ плѣнныхъ іудеевъ.

Уже 4 часа пополудни. Хотя солнце и перестало сильно палить, мы все-таки достаточно были утомлены и требовали отдыха. Въ особенности, жажда стала одолевать насъ. Скоро передъ нами показались какія-то строенія, куда Марко направилъ своего коня. По справкамъ оказалось, что это селеніе эль-Бире, или древній Беероѳъ, что значитъ ключи или колодцы. Въ настоящее время оно представляетъ кучку разбросанныхъ по холму жалкихъ каменныхъ домовъ; а сохранившійся прекрасный источникъ ключевой воды оправдываетъ названіе ея.

Мы подѣхали къ источнику и слѣзли съ оловъ. Пріятенъ отдыхъ послѣ трехчасовой поѣздки по пустынѣ въ самое жаркое время дня. Залпомъ выпили мы по стакану холодной воды, съобривши его небольшимъ количествомъ красного кислаго вина, безъ котораго на Востокѣ довольно опасно пить воду. Затѣмъ мы расположились для краткаго отдыха подъ развѣсистую смоковницу. Откуда ни возмись, явился арабъ съ чашками кофе, которое мы и откушали, уплативъ приличный бакшишъ. На этомъ же мѣстѣ, близъ источника, по преданію, Святое семейство, возвращаясь изъ Іерусалима, замѣтило отсутствіе своего Божественнаго Сына, Который въ это время сидѣлъ во храмѣ среди учителей. „слушающій ихъ и спрашивающій ихъ“, и принуждено было возвратиться обратно за поискомъ Святаго Отрока.

Но недолго намъ пришлось здѣсь отдыхать. Прошло $\frac{1}{2}$ часа, и мы должны были продолжать свой путь, чтобы до ночной мглы добраться до Веѳилы, гдѣ предполагался нашъ первый ночлегъ. Солнце стало уже клониться къ западу, теряя значительную долю жгучести своихъ лучей. Перспектива, что черезъ часъ мы доберемся до ночлега, ободряла насъ. Достаточно утомленныхъ отъ непривычной ѣзды на ослахъ.

Наши животныя съ трудомъ подвигались впередъ, ступая съ осторожностью по каменнымъ глыбамъ, дѣлавшимъ нашъ путь чрезвычайно труднымъ. Рѣдко попадались совершенно гладкія мѣста, а большею частію приходилось, то подниматься по крутому неровному холму, то спускаться по его склону. Направо отъ дороги намъ указали на возвышенномъ холмѣ груды камней, назвавъ это мѣсто эль-Тель. Оказалось, что, по преданію, здѣсь стоялъ нѣкогда древній городъ Гай, который былъ взятъ Исусомъ Навиномъ вскорѣ по завоеваніи Іерихона. Можетъ быть, на мѣстѣ этихъ развалинъ, видимыхъ нами, стояло нѣкогда народное святилище несчастныхъ жителей Гая, избѣженныхъ Навиномъ; можетъ быть, тутъ былъ воздвигнутъ послѣднимъ жертвенникъ въ честь Іеговы, даровавшаго побѣду надъ хананеями, какъ объ этомъ и сохранилось древнее преданіе. Говорятъ, на этомъ мѣстѣ была выстроена христіанами церковь, о существованіи которой судятъ по находящимся здѣсь развалинамъ.

Будучи свидѣтелями этихъ невозможныхъ Палестинскихъ путей сообщенія, окидывая взоромъ эти неприступныя скалы и холмы, тамъ и сямъ пересѣкающіе долины съ дикими непроходимыми ущельями, мы удивляемся, какъ могли евреи, мало знакомые съ этой мѣстностью, овладѣть землею обтѣванной, покорить города, имѣвшіе видъ неприступныхъ крѣпостей. Видно, Богъ хранилъ избранный народъ Свой, Своею Всемогущею силою помогая имъ преодолевать враговъ. Достойно удивленія и то, какъ могли нѣкогда передвигаться съ сравнительною быстротою войска по тѣмъ неудобнымъ дорогамъ, по которымъ съ трудомъ передвигаются теперь караваны паломниковъ и кочующихъ бедуновъ съ своими нагруженными различнымъ скарбомъ верблюдами.

Но вотъ, послышался какой-то странный рѣвъ. Наши ослы отвѣтили тѣмъ жѣ. Это—взаимный привѣтъ, которымъ обмѣнивались раньше пришедшіе на отдыхъ ослы подъ нашимъ багажемъ съ нашими, почуявшими радость скорой встрѣчи и отдыха. Поднявъ голову, мы увидѣли передъ собою какую-то деревушку, расположенную на одной изъ вершинъ скалистаго холма, съ бѣдными каменными мазанками, между которыми виднѣются два или три каменныхъ строенія въ два этажа; нѣсколько каменныхъ оградъ передъ мазанками заключаютъ въ себѣ какія-то тощія деревья. Площадки и

устуны горныхъ скалъ переплетаются съ плоскими крышами восточныхъ домовъ. Надъ деревней виднѣется нѣсколько тощихъ виноградниковъ. Наше вниманіе привлекло одно большое зданіе съ низкимъ куполомъ, полуразрушенное, одиноко стоящее на вершинѣ холма, гдѣ разбросано селеніе. На склонахъ сосѣднихъ долинъ замѣчаются какіе-то каменные столбы, на подобіе древнихъ могилъ. Это, безпріютное на видъ, полуразрушенное селеніе называется *Бетинъ*, древній священный Веилъ, близъ котораго, между Гаемъ и этимъ святымъ мѣстомъ, былъ поставленъ Авраамомъ жертвенный камень, въ воспоминаніе утѣшительнаго откровенія Божія. По всей вѣроятности, это мѣсто впоследствии и было избрано Іаковомъ для ночлега на пути его въ Харранъ. Увидѣвъ священный камень Авраама, онъ безъ страха остался ночевать здѣсь, вдали отъ людскаго жилья, твердо увѣренный, что Богъ отцовъ сохранитъ его здѣсь невредимымъ. На этомъ мѣстѣ во снѣ увидѣлъ Іаковъ таинственную лѣстницу, по которой нисходили и восходили ангелы Божіи.

Уже издали мы увидѣли три большихъ палатки, раскинутыхъ около самой деревни. Эти палатки были приготовлены для нашего отдыха. Подѣхавъ къ нимъ, мы быстро сошли съ ословъ, которыхъ сдали погонщику, и принялись осматривать мѣстность. Все было ново для насъ: и эти палатки, напоминавшія намъ живо шатры библейскихъ патриарховъ, и эта арабская деревушка съ оригинальными мазанками, едва-едва держащимися на склонахъ холмовъ, и, вообще, вся необычайная обстановка нашей стоянки, напоминающая привалъ кочующихъ арабовъ. Подъ нахлынувшими новыми впечатлѣніями мы не чувствуемъ особенной усталости. Преосвященный чувствуетъ себя настолько бодрымъ, что предлагаетъ даже обратную поѣздку изъ Назарета совершить также на ослахъ.

Было шесть часовъ вечера. Мы сѣли на откосъ холма и наблюдали надъ происходившимъ въ селеніи. У нашихъ ногъ находился небольшой водоемъ, изъ котораго арабы черпали мутную воду и поили ею своихъ козъ и овецъ, возвращавшихся съ пастбищъ. Этотъ водоемъ представляетъ, вѣроятно, часть древняго большого пруда, что замѣтно по прилегающимъ къ этому водоему стѣнкамъ, ограждающимъ большое

четыреугольное пространство вокругъ него. Конечно, теперь въ этомъ большомъ огражденномъ пространствѣ нѣтъ воды, ибо оно заплыло нанесенною дождемъ землею съ окрестныхъ покатоостей горъ, но, въ древности, это было, вѣроятно, нѣчто подобное прудамъ Соломоновымъ. Полуголые арабскіе мальчуганы, съ растрепанными черными вьющимися волосами, съ блѣдными загорѣлыми лицами, на которыхъ, какъ уголья, чернѣютъ блестящіе глаза, взлѣзли на высокіе камни около водоема, другіе, болѣе посмѣлѣе, поднялись на высокій склонъ холма и почти въ упоръ смотрѣли на насъ, сидя на корточкахъ и подперши своими рученками подбородки.

На скалистой вершинѣ находятся развалины одного весьма древняго зданія съ квадратнымъ дворомъ, выстланнымъ каменными плитами. Дворъ ведетъ въ усыпальницу, гдѣ виднѣнъ надмогильный памятникъ. Среди развалинъ находится полуразрушенная башня, которая относится ко временамъ владычества Грековъ, и, по всей вѣроятности, была сторожевою. Здѣсь же видны развалины христіанской церкви, построенной, по преданію, на мѣстѣ жертвенника, сооруженнаго Іаковомъ. Можетъ быть, тутъ же стояло капище, сооруженное Іеровоамомъ для тельца, на что указываютъ камни, тесанные по іудейскому образцу и вложенные, впоследствии, въ кладку христіанскаго храма. На весьма многихъ страницахъ библейской исторіи встрѣчается имя Веель,— имя того мѣста, на которомъ въ настоящее время находимся мы, полные благочестивыхъ размышленій о благодати Божіей, излившейся во всей полнотѣ на родъ Авраама, свидѣтелемъ чего были эти Веельскіе холмы. Окидывая взоромъ окружающую насъ мѣстность, мы видимъ, что съ запада она окружена холмами, на востокъ отъ нея также высятся сѣрые верхи горъ, а на сѣверѣ, при наступающей мглѣ ночи, мы видимъ вдаль большіе самородные камни странной фигуры, сѣроватаго цвѣта. Но къ югу, по направленію къ Іерусалиму, мѣстность болѣе открытая, и при хорошей погодѣ и дальнозоркихъ глазахъ можно, говорятъ, видать даже священную рѣку Іорданъ. При взглядѣ на эти мѣстности, намъ представилась картина, какъ Авраамъ съ Лотомъ, стоявшіе можетъ быть на этомъ же самомъ мѣстѣ, глядѣли вдаль, выбирая себѣ землю, чтобы раскинуть шатры свои; какъ Авраамъ предоставилъ право выбора своему племян-

нику, который и избралъ плодородную тогда окрестность Иорданскую. Долго бы мы витали своею мыслию въ глубинѣ вѣковъ, если бы не голосъ Марко, приглашавшій насъ подкрѣпить свои силы наскоро приготовленнымъ ужиномъ изъ взятаго съ нами запаса холодныхъ закусокъ. Послѣ ужина, мы стали пить чай, сидя на койкахъ съ мягкими тюфяками, совершенно по домашнему, забывши, что мы находимся не у себя на родинѣ, а вдали отъ нея, въ гостепріимной для насъ Палестинѣ.

Напившись чаю, мы вышли изъ палатки; уже достаточно стемнѣло. Солнце сѣло уже давно. На востокѣ холмы подернулись уже ночнымъ флеромъ, и лишь на западѣ дневной свѣтъ находился въ предсмертной агоніи, тщетно борясь съ ночною мглою. Но вотъ, показалась на небѣ звѣздочка, за ней другая, и еще, и еще. Послѣдняя вспышка со стороны заходящихъ солнечныхъ лучей, и дневной свѣтъ погасъ, предоставивъ теперь господство царицѣ—ночи, которая, чтобы явиться предъ нами во всеоружіи своей восточной красоты, вызвала изъ глубокаго мрака ярко сіяющую луну съ высоты небеснаго свода. Очарованные красотою южной ночи, мы позабыли о снѣ, желая просидѣть у своихъ шатровъ до самаго утра. Небо было усѣяно многочисленными яркими звѣздами, представляя во главѣ съ сіявшею луною полную поэзіи фантастическую картину. Кто, даже съ загрубѣвшимъ сердцемъ, не умилился при видѣ такой очаровательной картины, кто отъ всей души не возблагодаритъ Творца за созданіе этой чудной природы? Луна и звѣзды, украшающія теперь небо,—быть можетъ, это тѣ самыя свѣтила, которыя, не мѣняясь, такъ же точно сіяли и нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, когда Авраамъ видѣлъ въ нихъ залогъ многочисленнаго потомства, обѣщаннаго ему Господомъ. Но устремляя взоръ свой съ прекраснаго неба на землю, на развалины нѣкогда славнаго Веиля, разбросаннаго теперь по горѣ, освященной яркимъ отблескомъ луны, обнажающей во всей неприглядной наготѣ эту картину разрушенія, невольно подумаешь о томъ, какъ опасно противиться Господу и прогнѣвлять его своимъ нечестіемъ. Гнѣвъ Божій постигъ Веиль за то, что онъ при Иеровоамѣ омрачился поклоненіемъ золотому тельцу. Исполнилось пророчество Амоса, говорившаго устами Господа, что Веиль обратится въ ничто, о чемъ и

свидѣтельствуемъ нынѣшнее состояніе,—состояніе ничтожества, почему онъ еще при пророкахъ вмѣсто „Веѳилы“—дома Божія, получилъ названіе „Бее-Авентъ“—домъ ничтожества... Но какъ ни пріятно было любоваться чудною ночью и уноситься мыслью въ даль вѣковъ, однако ночная свѣжесть, которая на востокѣ всегда слѣдуетъ за дневнымъ жаромъ, а также и усталость принудили насъ отправиться въ свои палатки, чтобы уснуть до утра и подкрѣпить свои уставшія члены для дальнѣйшаго путешествія. „Прощай, чудная ночь,—говорили мы, идя на покой,—мы не забудемъ тебя никогда“. Дѣйствительно, пройдутъ года, забудутся всѣ подробности нашего путешествія, но эта звѣздная лунная ночь въ Веѳилѣ, полная очарованія, никогда не изгладится изъ нашей памяти.

Получивъ благословеніе Преосвященнаго, который вмѣстѣ съ нами раздѣлялъ восхищеніе чарующею ночью, мы вошли въ палатку, быстро погасили свѣчу и фонарь, свѣтъ отъ котораго привлекалъ массу вредныхъ москитовъ, и, почти не раздѣваясь, легли на свои койки. Отходя ко сну, мы предавались библейскимъ воспоминаніямъ объ Іаковѣ, нашедшемъ себѣ ночлегъ въ Веѳилѣ и удостоившемся видѣть лѣствицу. Можетъ быть на этомъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ наши палатки, отдыхалъ нѣкогда сынъ Исаака? Но какая разница между нимъ и нами! Онъ спалъ подъ открытымъ небомъ, мы же покоимся въ прекрасномъ шатрѣ; его ложе было голая земля, подъ нами же мягкіе тюфяки; его изголовьемъ служилъ простой голый камень, мы же покоимъ свои головы на мягкихъ подушкахъ, прикрывая свое тѣло теплыми байковыми одѣялами. Становилось какъ-то досадно и даже совѣстно за свою изнѣженность. Подъ наплывомъ подобныхъ чувствъ, утомленные дневнымъ путешествіемъ, разбираясь мысленно въ пережитыхъ за этотъ день впечатлѣніяхъ, мы скоро заснули мертвымъ сномъ.

4 іюля. Вторникъ. Аинъ - Хараміе (ущелье разбойниковъ). Седжилъ. Сей-лунъ, древній Силомъ. Левна-Люббанъ. Эль-Мухна. Дубрава Море. Геваль и Гаризинъ. Колодезь патр. Іакова. Самарянской равнинъ.

Въ 4 часа утра сильныя звонки разбудили насъ. Это былъ сигналъ, данный Марко, для пробужденія. Дѣлать нечего,—

вставать было необходимо. Аккуратный кавасъ не церемонился. Войдя въ нашу палатку, онъ настойчиво требовалъ, чтобы мы вставали, говоря, что Преосвященный уже давно всталъ. Поведеніе Марко, хотя и было нѣсколько жесткое, но вполнѣ необходимое. Цѣлью его было выѣхать какъ можно раньше, чтобы еще до наступленія дневной жары проѣхать нѣсколько верстъ. У него все было предусмотрено заранее, рассчитана почти каждая минута. Мы вполнѣ подчинялись въ дорогѣ его авторитету, признавая за нимъ компетентность въ данномъ случаѣ. Кромѣ того, мы боялись доставить хотя-бы малое неудовольствіе Преосвященному, который всегда, особенно во время пути, требовалъ отъ насъ аккуратности, самъ будучи аккуратенъ до чрезвычайности, самъ въ точности выполняя высказанныя имъ заранее свои намѣренія, а также требуя отъ другихъ неукоснительнаго исполненія отданныхъ имъ приказаній. Такъ и теперь: рѣшено было встать ровно въ 4 ч. утра, и ровно въ 4^{1/2} ч. двинуться далѣе въ путь. Благодаря точному выполненію его распоряженій, мы не теряли даромъ ни минуты времени, успѣвая осмотрѣть въ короткій промежутокъ несравненно больше, чѣмъ въ длинный срокъ, при другихъ условіяхъ. Наскоро одѣвшись и освѣживъ свое лицо холодной водой, мы подошли къ Преосвященному, чтобы получить архипастырское благословеніе,—что дѣлали мы каждое утро и вечеръ во время всего нашего пути, чувствуя въ этомъ для себя необходимую потребность. Его Преосвященство всталъ уже раньше насъ, и сейчасъ, нѣсколько озабоченный, прохаживался близъ своей палатки, которая была почти уже разобрана умѣлыми въ этомъ дѣлѣ людьми. Подоровавшись, онъ сообщилъ намъ нѣсколько непріятную новость: проф. М—нъ, чувствуя себя нездоровымъ и боясь сдѣлаться нѣкоторой обузой во время дальнѣйшаго путешествія, рѣшился изъ Вены возвратиться обратно въ Иерусалимъ, гдѣ онъ долженъ пребыть недѣли двѣ—три для своихъ научныхъ занятій въ бібліотекѣ, оставшейся послѣ о. Антонина. Оказывается, что еще вчера онъ чувствовалъ головную боль и ознобъ, но не показывалъ вида, надѣясь, что это скоро—проходимое нездоровье. На утро же болѣзнь усилилась. Посовѣтовавшись съ Преосвященнымъ, онъ послалъ въ селеніе найти себѣ проводника и, не мѣшая ни минуты,

простившись съ нами, въ сопровожденіи проводника—араба, отправился по обратной дорогѣ въ Іерусалимъ. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что въ дорогѣ головная боль до того усилилась, что онъ нѣсколько разъ рѣшался сойти съ осла и лечь на дорогѣ, но сила воли взяла верхъ надъ болѣзнію, и онъ продолжалъ, хотя и довольно медленно, свой путь и благополучно достигнулъ св. города.

Вслѣдъ за нимъ, также и мы, сѣвъ на своихъ ословъ, въ томъ же порядкѣ, какъ и наканунѣ, потерявъ одного изъ своихъ спутниковъ, ровно въ 4½ ч. утра, выѣхали изъ Веелія на сѣверъ. Въ это же время палатки были уже сняты и ихъ навьючивали на ословъ, которые должны были вмѣстѣ съ буфетнымъ багажемъ доставить ихъ прямо ко второму нашему ночлегу, предполагавшемуся у колодца Іакова.

Благодаря царившей еще темнотѣ, мы подвигались весьма медленно, ослы съ большою осторожностью передвигали ноги, боясь оступиться при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи своемъ. Было холодно, благодаря густому туману, насквозь пронизывавшему наше платье. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали восхода солнца, которое должно согрѣть окоченѣвшіе отъ утренняго холода наши члены. Дорога, по которой мы ѣхали, была самая ужасная: то мы ѣхали по склонамъ холмовъ, по скользкимъ отъ сырости камнямъ, то опускались въ долинки, то опять поднимались вверхъ по горамъ и пригоркамъ, то наконецъ, чуть-ли не по отвѣсному направленію, устремлялись въ какія-то канавки. Часъ спустя, стало разсвѣтать, и мы, хотя и въ туманѣ, увидѣли на лѣвой сторонѣ дороги арабскую деревушку „Ябрудъ“, расположенную на холмѣ. Но вотъ, на востокъ заалѣло солнце, вставши какъ бы изъ земли въ видѣ громаднаго ярко сіяющаго шара: освѣтились окрестности, туманъ разсѣялся, и мы легко могли обозрѣвать проѣзжаемую нами мѣстность. Каменистая и чрезвычайно трудная дорога отчасти искупалась разстланной далеко передъ нами, направо и налево, прекрасной картиной, приводившей насъ въ неописанный восторгъ. Въ долинахъ, между холмами, раскинулись свѣтло-зеленыя рощи съ фиговыми и масличными деревьями, которыя, при свѣтѣ восходящаго солнца, представляли нашему взору дивную панораму: отъ внезапнаго удара солнечнаго луча, зеле-

ныя листья деревьевъ, растущихъ на холмахъ, какъ бы загорались огненнымъ пламенемъ, представлявшемъ собою грандіозный пожаръ, яркое зарево котораго, распространяясь все болѣе и болѣе, охватывало собою всю зеленую холмистую мѣстность, начиная отъ подошвы холмовъ до самыхъ высокиихъ вершинъ ихъ. Чѣмъ выше поднималось солнце, тѣмъ менѣе казалось зарево пожара; и когда солнечный шаръ поднялся на значительную высоту, зарево пожара исчезло, и вся холмистая террасообразная мѣстность, усаженная многочисленными рощами, появилась передъ нашими глазами во всей своей естественной красотѣ, готовая поспорить своей яркой зеленью, освѣщенной солнцемъ, съ цвѣтомъ драгоцѣнныхъ изумрудовъ.

Наконецъ, мы вѣхали въ ущелье Вади-Хараміе или „ущелье разбойниковъ“, представляющее собою живописное мѣсто. Съ правой стороны прохода возвышается большой холмъ въ 1100 фут., весьма крутой и мѣстами идущій террасами, съ лѣвой же стороны тянутся плоскіе утесы известняка. На вершинѣ этого большого холма стоитъ разоренная крѣпость, носящая названіе „замка Балдуина“, одного изъ Іерусалимскихъ королей во время владычества крестоносцевъ. Близъ дороги, въ скалахъ, въ этой „разбойничьей долинѣ“ находится нѣсколько пещеръ, одна изъ которыхъ наполнена водою и украшена пилястрами. Въ одной изъ видимыхъ нами теперь пещеръ скрывался нѣкогда Давидъ отъ Саула, ожидая тамъ условнаго знака отъ Іонаана, который обѣщалъ явиться туда для свиданія съ своимъ другомъ, будущимъ царемъ Іудейскимъ. Дѣйствительно, это ущелье съ своими пещерами было прекраснымъ убѣжищемъ отъ преслѣдователей. Недаромъ же здѣсь имѣли въ древнее время притонъ шайки разбойниковъ, безнаказанно совершавшихъ свои нападенія на проходившихъ по этой долинѣ паломниковъ. Да и теперь, какъ говорятъ, не безопасно, въ особенности въ ночное время, очутиться на днѣ глубокаго ущелья Вади-Хараміе. Мы подъѣхали къ такъ называемому „источнику разбойниковъ“ или, по арабски, Айнъ-Хараміе, отстоящему отъ Веиля на разстояніи почти девяти верствъ. Было 7 ч. утра. У источника рѣшили попить нашихъ животныхъ, отдохнуть нѣсколько и самимъ, а также позавтракать. Эта часть долины представляетъ тѣнистую рощу

съ масличными деревьями, подъ тѣнью которыхъ, скрывшись отъ солнечныхъ лучей, утомленный путникъ вполне можетъ наслаждаться пріятнымъ отдохновеніемъ. Мѣсто это очень живописное, благодаря массѣ зелени и прекрасному источнику, чистая вода котораго небольшою струйкою вытекаетъ сверху изъ скалы и, свободно сбѣгая, омываетъ подножіе скалистой стѣны, распространяя прохладу черезъ свои испаренія отъ солнечнаго жара. Надъ источникомъ возвышается верхушка холма, по которой уступами стоятъ масличныя деревья. Въ этой прохладной тѣнистой зелени ущелья можно было бы просидѣть цѣлый день, забывши весь міръ и предавшись воспоминаніямъ о происходившихъ здѣсь когда-то библейскихъ событіяхъ. Позавтракавъ сыромъ и яйцомъ съ хлѣбомъ и запивши все это освѣжающей водою изъ источника, разбавленной краснымъ виномъ, мы должны были покинуть этотъ гостепріимный уютный уголокъ, такъ какъ, по заранѣе предназначенному плану каваса Марко, наши остановки здѣсь не должны были продолжаться болѣе получаса времени. „Ну что, Марко, пора?“ съ добродушной улыбкой, шутя спрашиваетъ Преосвященный. „Пора, ваше Пр—ство“, съ сознаніемъ своего достоинства отвѣчаетъ кавасъ, и мы сейчасъ же садимся на ословъ и въ прежнемъ порядкѣ продолжаемъ свой путь, съ тоскливымъ вздохомъ покидая полюбившееся намъ мѣстечко. Выѣхавъ изъ ущелья, мы вступили на болѣе ровное мѣсто; но дорога для насъ показалась труднѣе, такъ какъ мы теперь подвергались горячимъ лучамъ знойнаго солнца, не будучи защищены отъ нихъ высокими холмами, какъ это было въ разбойничьей долинѣ. Деревья стали попадаться рѣже, и мѣстность принимала обычный пустынный видъ, какъ это мы видѣли вчера между Іерусалимомъ и Везилемъ. Но прохожихъ стало попадаться болѣе, чѣмъ вчера. Вотъ, навстрѣчу намъ, идетъ караванъ верблюдовъ, съ мрачнымъ арабомъ впереди, имѣвшемъ на головѣ тюрбанъ, а на тѣлѣ—бумажную рубашку, всю въ заплатахъ, поверхъ которой надѣта овечья шкура шерстью вверхъ. Мрачно сверкнувъ своими черными глазами, отвѣтилъ онъ по арабски на арабское же привѣтствіе Преосвященнаго—„маргаба“ и, не обративъ вниманія на необычное для него шествіе, продолжалъ молча идти впередъ, своротивъ, впрочемъ, немного въ сторону

свой караванъ, чтобы дать дорогу встрѣтившимся съ нимъ путникамъ. По дорогѣ Марко намъ говорилъ, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, страшный ливень раннею весною застигъ внезапно караванъ, которымъ онъ предводительствовалъ тогда, и много шедшихъ въ этомъ караванѣ въ Назаретъ паломниковъ, особенно женщинъ, погибло. Это случилось именно на томъ пути, по которому мы сейчасъ идемъ. Молча ѣхали мы нѣсколько времени. Вдругъ, звукъ рожка прервалъ наши размышленія. Не вдалекѣ отъ дороги, по лѣвой сторонѣ, увидѣли мы красиваго арабченка съ посохомъ въ одной рукѣ, и съ рожкомъ въ другой, гнавшего передъ собою стадо овецъ. Широкая аба, надѣтая на длинную рубашку, открывавшую половину загорѣлой мужественной груди, спускалась съ высокихъ плечъ мальчика-пастуха. Бумажный платъ, придерживаемый веревкой изъ верблюжьей шерсти, покрывалъ его голову. Какъ напоминалъ намъ этотъ мальчикъ Давида, нѣкогда пасшаго стада! овецъ отца своего! Налѣво отъ дороги, на крутомъ подъемѣ, виднѣлось селеніе, которому, вѣроятно, и принадлежало стадо, пасомое мальчикомъ, гнавшимъ его на пастбище въ горы. Селеніе носитъ названіе *Сенджиль*, по имени одного изъ графовъ Крестоносцевъ, отдохавшихъ здѣсь по дорогѣ во Иерусалимъ, во время перваго крестоваго похода. Оно отстоитъ въ 12 верстахъ отъ Веѣля. На западъ отъ этого селенія, на высокомъ холмѣ, сверкали издали груди какихъ-то бѣлыхъ камней. По справкамъ оказалось, что это арабская деревня Джильджилия, стоящая на мѣстѣ древней Галгалы, откуда Господь хотѣлъ вознести Илію въ вихрѣ на небо, когда послѣдній шелъ съ Елисеемъ въ Веѣиль. Направо отъ насъ деревня *Сейлунъ*, древній *Силомъ*, въ которомъ нѣкогда Іисусъ Навинъ, по завоеваніи земли обѣтованной, поставилъ Кивотъ Завета, остававшійся тамъ цѣлыхъ 328 лѣтъ. Какъ хотѣлось намъ посѣтить это когда-то священное мѣсто, гдѣ Анна, мать Самуила, молилась Богу, прося Его даровать ей дѣтище; гдѣ внезапно скончался благочестивый первосвященникъ Ілій, услышавъ о гибели своихъ нечестивыхъ сыновей Офни и Финееса; но, за недостаткомъ времени, мы удовольствовались только тѣмъ, что издали смотрѣли вправо, куда намъ указалъ пальцемъ всезнающій Марко. Намъ стали попадаться по пути все чаще

и чаще пѣшіе арабы, навьюченные ослы, и караваны верблюдовъ. Повидимому, эта мѣстность была населенная. И дѣйствительно, по правую руку увидѣли мы арабскія деревушки, съ зелеными группами деревьевъ вокругъ, которыя назывались: Савіе, Беркитъ, и др. Но вотъ, мы подъѣхали къ крутому спуску и остановились въ недоумѣніи, не зная, что дѣлать. Марко разрѣшилъ наше недоумѣніе, посовѣтовавъ намъ сойти съ ословъ и пѣшкомъ спуститься въ лежащую у нашихъ ногъ долину, такъ какъ, сидя на ослѣ, мы легко могли бы опрокинуться, благодаря крутизнѣ спуска, чрезъ голову ословъ и кубаремъ скатиться внизъ, подвергнувшись опасности быть изувѣченными отъ паденія на торчащіе внизу острые камни.

Благополучно спустившись въ долину, мы увидѣли по правую сторону дороги какое-то странное полуразвалившееся зданіе, названное кавасомъ „Хануль-Люббанъ“, т. е. гостиницею Люббанъ. Мы свернули съ дороги, направляясь къ этому строенію, которое представляетъ собою нѣчто въ родѣ постоялаго двора, съ навѣсомъ впереди. Вѣроятно, такія-то гостиницы существовали въ древнія времена при большихъ дорогахъ, о которыхъ часто упоминается въ библіи. Предъ „ханомъ“ находится прекрасный обильный источникъ ключевой воды. Хозяинъ-арабъ предложилъ намъ приготовить кофе, но мы отказались отъ этого напитка, предпочтя лучше отдохнуть немного. Несторъ съ Марко разостлали подъ навѣсомъ взятыя у хозяина циновки, и всѣ мы, вмѣстѣ съ Преосвященнымъ, легли отдохнуть, утомившись труднымъ переходомъ. Было 10 ч. утра. Нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и Преосвященный, скоро поддались вліянію Морфея, который держалъ ихъ въ своихъ объятіяхъ около трехъ часовъ. Другіе же полулежали на крылечкѣ этой корчмы, наблюдая все происходившее около нея, и, окидывая взоромъ ближайшія окрестности, мысленно вспоминали происходившія здѣсь библейскія событія. Мы находились теперь въ Люббанской долинѣ; почти противъ насъ, въ сѣверо-западномъ углу ея,halbway отъ дороги, на безпріютномъ, бѣдномъ зеленю холмѣ расположилась деревня Люббанъ, упоминаемая въ библіи подъ именемъ *Левны*, жителей котораго Иисусъ Навинъ истребилъ мечемъ. Кое-гдѣ, вокругъ селенія, бродить тощій скотъ: грязные, оборванные ребятишки играли

на солнцѣ; тоска и уныніе овладѣвали зрителемъ при взглядѣ на эту бѣдную арабскую деревушку. Здѣсь, въ этой долинѣ, кончается Іудея и начинается Самарія. Граница между этими двумя областями находится почти на одной линіи съ постояннымъ дворомъ, гдѣ мы теперь отдыхаемъ. Вѣроятно, это убѣжище нарочно было выстроено на самой границѣ еще давно фанатичными Іудеями для своихъ соотечественниковъ, которые, такимъ образомъ, могли избѣгать ночлега въ ненавистой для нихъ Самаріи. Смотри на дорогу, мы видѣли, что всѣ путники, идущіе по направленію къ Бетину или обратно, почти всегда сворачивали съ дороги, чтобы напоить животныхъ у нашего источника. Въ продолженіе трехъ часовъ здѣсь перебивало очень много путниковъ. Вотъ, цѣлая вереница навьюченныхъ верблюдовъ остановилась около источника, гдѣ начался горячій споръ между арабомъ-проводникомъ каравана и хозяиномъ гостиницы, вѣроятно, изъ-за бакшиша, котораго послѣдній требовалъ за остановку около его корчмы. Видимо сговорившись, проводникъ развьючилъ горбатыхъ животныхъ, которыя сейчасъ же повалились наземь, вытянувъ свои длинныя ноги и пригнувъ къ землѣ свои долгия шеи. Вотъ, со стороны деревни послышались звуки колокольчиковъ, и изъ-за холма показался несомнѣнно обычный въ этой пустынѣ цѣлъ съ людьми, возсѣдавшими на ослахъ. Впереди ѣхалъ человекъ въ турецкой формѣ, за нимъ два духовныхъ лица, въ черныхъ рясахъ и камлавкахъ. Позади ихъ, также на ослахъ, ѣхали закутанныя въ шали и съ длинными темными покрывалами на лицѣ двѣ женщины. Арабъ-погонщикъ замыкалъ это шествіе. Увидѣвъ большой караванъ у источника, одно изъ духовныхъ лицъ, оставивъ своихъ путниковъ поодаль, подѣхало къ хозяину и начало о чемъ-то съ нимъ объясняться. По жестамъ послѣдняго можно догадаться, что разговоръ шелъ о насъ, а болѣе всего о Преосвященномъ, такъ какъ взоры разговаривавшихъ то и дѣло обращались на него, который въ это время спалъ крѣпкимъ сномъ и, повидимому, не слышалъ ничего. Видя, что всѣ мѣста заняты русскими путешественниками и, не желая стѣснять своимъ присутствіемъ Преосвященнаго, о званіи котораго онъ узналъ отъ хозяина черезъ Марко, онъ напоилъ своихъ ословъ у источника и, не отдыхая, отправился съ своими путе-

ками далѣе. Оказалось, что это былъ арабскій священникъ, ѣхавшій съ своимъ семействомъ изъ Сирии, чтобы поклониться въ Иерусалимѣ Гробу Господню. Около часу дня спящіе проснулись. Голодъ и жажда ошутительно давали знать о себѣ. Быстро приготовленъ былъ холодный завтракъ на полу, подъ навѣсомъ корчмы, и горячій чай, выпитый нами съ большимъ удовольствіемъ. Послѣ этого мы стали собираться въ путь. Напивъ у источника своихъ осликовъ и накормивъ ихъ, мы, вполнѣ отдохнувши, ровно въ 2 ч дня, выѣхали изъ „гостиницы“. Выйдя опять на дорогу и, оставивъ деревню Люббанъ влѣво отъ себя, мы стали подниматься вверхъ. Послѣ утомительнаго восхожденія по каменистой неровной дорогѣ, мы поднялись, наконецъ, вверхъ, достигнувъ горнаго гребня. Передъ нами открывались во всей своей величественной красѣ горы Самарійскія, позади которыхъ высились громады Гевала и Гаразина; у ногъ же нашихъ разстилалась широкая долина Эль-Мухна, которую, какъ поясомъ, со всѣхъ сторонъ окружили холмы, расположенные уступами. На западѣ, далеко—далеко отъ дороги, намъ указали на селеніе Харисъ, гдѣ, по преданію, погребены Иисусъ Навинъ и Халевъ. Наконецъ, мы спустились съ крутого и каменистаго гребня и поѣхали по ровному откосу, на скалистой сторонѣ котораго, обращенной къ долинѣ, находятся нѣсколько пещеръ, куда обыкновенно и загоняютъ скотъ на время знойныхъ часовъ. Налѣво отъ дороги, по скатамъ холмовъ, разсыпалось селеніе Хавара, видимое нами, а направо вдаль намъ указали на деревню „Аверту“, стоящую на мѣстѣ древняго города Гаваафа, гдѣ, по преданію, находятся гробницы Елеазара и его сына Финееса, двухъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ первосвященниковъ, носившихъ этотъ санъ послѣ Аарона.

Обрадовавшись, что дорога сдѣлалась лучше, мы погнали своихъ ословъ, стараясь обогнать лошадь Марко. Но это намъ не удавалось. Мы тогда начали конкурировать только быстротою бѣга между своими ослами, подпрыгивая на сѣдлѣ чуть-ли не на $\frac{1}{2}$ аршина. Такіе скачки хотя нѣсколько поразнообразили наше путешествіе. Но вотъ, Марко, прищпоривъ своего коня, свернулъ влѣво съ дороги, направляясь къ какому то холмику, одинъ изъ откосовъ котораго

представлялъ собою какъ бы маленькій оазисъ съ манящей къ себѣ зеленью деревьевъ. Мы всё послѣдовали за своимъ кавасомъ. Онъ остановился возлѣ одного вѣтвистаго дерева, подъ тѣнью котораго и предложилъ намъ немного отдохнуть. Мы обрадовались этому сюрпризу со стороны Марко, и быстро сошли со своихъ ословъ. Оказалось, что это было чудное стручковое дерево, прохладная тѣнь котораго доставляла отраду уставшему путнику. Сидя подъ густо-лиственнымъ шатромъ дерева, мы невольно вспомнили приточнаго блуднаго сына, который, вдали отъ дома своего отца, на чужбинѣ, питался рожками подобнаго стручковаго дерева. Кругомъ насъ было много и другихъ деревьевъ, но они были несравненно меньше этого великана. Не болѣе получаса сидѣли мы здѣсь, предаваясь сладкимъ мечтамъ о скоромъ и настоящемъ ночномъ привалѣ. Было 4½ ч. вѣч., когда мы выбрались опять на дорогу. Мы любовались долиной Эль-Мухна, на которой находились деревни, пригорки, поля, скаты холмовъ, покрытые маслячными плантаціями. Не только весной, когда на засѣянныхъ поляхъ волнуются отъ вѣтра хлѣбные колосья и все кругомъ покрыто ярко-зеленою травою, чередующеюся съ всевозможными родами полевыхъ цвѣтовъ, но даже и теперь, когда все выгорѣло отъ жары, эта долина съ встрѣчающимися на ней многочисленными зелеными группами деревьевъ, представляетъ собою привлекательную картину сравнительно съ безотраднымъ видомъ горныхъ пустынь Іудеи. Но вотъ мы спустились осторожно въ глубокое ущелье, по дну котораго ѣхали нѣсколько минутъ. Поднявшись вверхъ, мы увидели во всей своей красѣ гору Гаризинъ съ стоящею противъ нея горою Геваль. Мы находимся теперь около предѣловъ, особенно священныхъ въ глазахъ древнихъ евреевъ, съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Гора Гаризинъ довольно высокая, на 2000 фут. надъ уровнемъ моря. На верху ея бѣлѣются какія-то зданія: говорятъ, это сторожевая башня и развалины христіанской церкви: находится тутъ также и спнагога, принадлежащая живущимъ тамъ Самаритянамъ. У подошвы этой горы расположено селеніе *Балата*, которое Самаряне называютъ „священнымъ дубомъ“. По преданію, это есть дубрава Море, подъ которой Авраамъ воздвигъ первый жертвенникъ Іеговъ и раскинулъ здѣсь свой ша-

теръ. Здѣсь же, по преданію, Іаковъ, возвратившись изъ Месопотаміи, зарылъ терафимовъ Рахили.

Чѣмъ дальше мы ѣдемъ, тѣмъ все болѣе и болѣе открываются виды двухъ священныхъ горъ. Долина Эль-Мухна кончается, и къ сѣверо-западу отъ нея начинается долина Сихемская, находящаяся между этими горами и отличающаяся обиліемъ растительности и множествомъ горныхъ ключей. Но мы оставляемъ влѣво дорогу, ведущую по этой долинѣ въ древній Сихемъ, а теперь Набулусъ, отклоняемся нѣсколько въ сторону отъ дороги вправо, направляясь къ каменной оградѣ, за которой, среди развалинъ, помѣщается знаменитый и когда-то богатый водою колодезь Іакова.

Было ровно 6 ч. вечера, когда мы вошли въ сграду у колодца. У воротъ ея были встрѣчены греческимъ игуменомъ, привѣтствовавшимъ Преосвященнаго съ благополучнымъ прибытіемъ. Слѣзши съ оловъ, мы пошли къ тому мѣсту, гдѣ находится этотъ священный колодезь, у котораго Спаситель бесѣдовалъ съ Самарянкою „о водѣ живой“. Внутри ограды, направо отъ воротъ, находится полуразрушенное зданіе, къ которому мы и направили свои стопы. Спустившись внизъ по ступенькамъ въ подземную часовню, мы увидѣли посреди ея этотъ священный колодезь. Все говоритъ здѣсь о древности сооруженія. Горло колодца обложено большими нетесанными камнями; оставлено достаточное отверстіе, сквозь которое легко можетъ пролѣзть всякій человѣкъ, желающій осмотрѣть подробно его внутренность, какъ это и дѣлали многіе ученые туристы. Отверстіе его около семи съ половиною футовъ въ поперечникѣ. Сопровождавшій насъ греческій игуменъ спустилъ въ колодець веревку съ привязанной къ одному концу ея зажженной свѣчей, чтобы освѣтить внутренность колодца. Веревка длиною въ 80 футовъ, точно соотвѣтствующая глубинѣ колодца. Когда мы взглянули внутрь, то увидѣли на днѣ его массу мусора и брошенныхъ камней, но воды не было ни капли. Глубина колодца была когда-то, какъ говорятъ, 105 футовъ, но при разрушеніи находившейся надъ нимъ нѣкогда церкви, дно его было засыпано мусоромъ отъ развалинъ; кромѣ того, въ прежнее время, каждый богомолецъ считалъ своею обязанностью бросать въ колодезь по одному камешку, что въ

общемъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, образовало достаточное количество мусора. Теперь, когда Іерусалимская патріархія приобрѣла всю эту мѣстность съ этимъ колодцемъ въ свое владѣніе, послѣдній сталъ нѣсколько поддерживаться, и этотъ обычай богомольцевъ теперь строго преслѣдуется. Въ настоящее время греки стараются очистить этотъ колодець отъ мусора, и надѣются, что современемъ колодець наполнится какъ это было раньше, во времена древнихъ патріарховъ. Надъ колодцемъ устроена каменная комната со сводомъ, четырехъугольная, оштукатуренная, служащая часовнею; на внутренней восточной стѣнѣ ея виситъ икона, изображающая бесѣду Христа съ Самарянкою; передъ иконой теплится лампада, и здѣсь паломники обыкновенно служатъ молебны. Болѣе ничего достопримѣчательнаго въ этомъ помѣщеніи мы не замѣтили. Надъ сводомъ этой часовни находится полуразрушенный фундаментъ древней церкви, которая была устроена св. царицею Еленою, а впоследствии разрушена иновѣрцами. По сохранившимся развалинамъ легко можно догадаться о дѣйствительномъ существованіи здѣсь христіанскаго храма, подъ алтаремъ котораго, по всей вѣроятности, какъ разъ приходился колодезь Іакова, и богомольцы входили въ него сверху по ступенямъ; на мѣстѣ послѣднихъ въ настоящее время замѣчаются два углубленія, въ которыхъ видны остатки торчащихъ четырехъ гранитныхъ колоннъ. При изслѣдованіи развалинъ, можно замѣтить въ нихъ много мелкихъ обломковъ мозаичнаго пола и тесаныхъ камней.

По преданію, здѣсь стоялъ женскій монастырь, отличавшійся богатствомъ и роскошью, что и видно по остаткамъ гранита и мозаики. Но, во всякомъ случаѣ, съ полною достовѣрностью можно сказать что именно у этого колодца сидѣлъ Спаситель, бесѣдуя съ Самарянкою. На это указываетъ расположеніе мѣстностей, точно соотвѣтствующее описанію ихъ въ евангельской исторіи, гдѣ говорится объ этой бесѣдѣ Господа. Христосъ сидѣлъ у колодца съ лицомъ, вѣроятно, обращеннымъ къ горѣ Гаризинъ, относя къ ней слова: „и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ будутъ поклоняться Отцу...“ Позади Него находилась тогда гора Геваль, на скатѣ которой, расположившись на сѣверномъ концѣ Сихемской долины, стоялъ городъ Сихаръ, откуда вы-

шла жена-самарянка; на мѣстѣ Сихара теперь видна маленькая деревушка, носящая названіе Аскаръ. На востокѣ мы видимъ сейчасъ раскинувшуюся большую равнину, о нивахъ которой Спаситель сказалъ, что „онѣ поспѣли къ жатвѣ“. За этой равниной лежитъ мѣстность, между Салимомъ и Енономъ, гдѣ проповѣдывалъ Іоаннъ Креститель. Передъ Господомъ была богатая картина природы, восхитительный видъ на роскошную долину Сихема съ зелеными рощами и журчащими ручейками. Все это видимъ и мы теперь своими глазами, наслаждаясь чуднымъ видомъ Самарійскихъ горъ и живописныхъ окрестностей; стоимъ, какъ очарованные, на этомъ святомъ мѣстѣ, живо представляя себѣ сидящаго здѣсь у колодца Спасителя, мирно бесѣдующаго съ стоящей передъ Нимъ Самарянкой „о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ“. Мы поднялись опять во дворъ ограды и увидели приготовленные для насъ, какъ и наканунѣ въ Веилѣ, три палатки. На юго-западной сторонѣ внутри ограды стоитъ какой-то длинный сарай, или что-то въ родѣ крытаго навѣса. Мы вошли туда. Оказалось, что это — ночлежное помѣщеніе, устроенное греками для паломниковъ, съ нарами внутри въ два этажа; оно можетъ вмѣстить въ себѣ около тысячи человекъ богомольцевъ. Нужно поблагодарить грековъ за устройство такого громаднаго барака для паломниковъ, не имѣвшихъ прежде здѣсь никакого убѣжища отъ невыносимой сильной жары, а также отъ застигавшей ихъ непогоды. Выйдя изъ подъ навѣса и полюбовавшись еще немного разстилающимися прекрасными окрестностями, освѣщенными заходящими лучами солнца, мы возвратились къ своимъ палаткамъ. Тутъ ожидали два турецкихъ офицера, присланныхъ Наблусскимъ нашею привѣтствовать Преосвященнаго, о прибытіи котораго онъ былъ заранѣе извѣщенъ по телеграфу изъ Іерусалима. Съ изысканною любезностью истинно воспитанныхъ джентльменовъ исполнили они возложенное на нихъ почетное порученіе. Въ это время опытный Марко что-то тихо сказалъ Преосвященному, который сейчасъ же вынулъ изъ кармана какую-то золотую монету, взятую кавасомъ и переданную сейчасъ же стоявшимъ въ почтительной позѣ предъ нашимъ архипастыремъ турецкимъ офицерамъ. Поблагодаривши Преосвященнаго и извинившись за беспокойство, они поклонились ему съ граціей настоя-

щихъ паркетныхъ кавалеровъ, пожелавъ покойной ночи и сказавъ, чтобы мы не беспокоились, такъ какъ нашъ сонъ будетъ охранять турецкая стража, поставленная у воротъ ограды, по приказу Наблусскаго правительства, въ виду высокаго положенія Преосвященнаго. Они были настолько любезны, что предложили намъ осмотрѣть сейчасъ же, подъ ихъ охраной, городъ съ его достопримѣчательностями; но мы, уставши отъ дороги, постарались отклонить это предложеніе. По уходѣ ихъ, нѣкоторые изъ насъ спохватились, что не приняли услугъ любезныхъ офицеровъ; одни же, безъ турецкихъ провожатыхъ, мы не рѣшались идти въ городъ, такъ какъ жители Наблуса извѣстны своимъ фанатизмомъ и ненавистью къ христіанамъ. Это особенно обнаруживается, по словамъ Марко, во время каравановъ паломниковъ.

Было 7 ч. вечера. Мы сѣли за приготовленный ужинъ, на чистомъ воздухѣ, около палатки Преосвященнаго, который ужиналъ за однимъ столомъ съ нами. Всѣ мы были веселы и оживлены, дѣлясь другъ съ другомъ путевыми впечатлѣніями. Ужинъ былъ весьма обильный; къ тому же намъ принесли изъ города еще свѣжаго холоднаго молока, которое мы выпили съ удовольствіемъ. Игумень принесъ намъ винограду, только сейчасъ собраннаго съ своихъ виноградниковъ, находящихся здѣсь же въ оградѣ. Ухаживавшій за нами все время греческій игумень былъ настоятелемъ церкви во имя св. Фотиніи Самарянки, находящейся при православной общинѣ въ Наблусѣ. Во время ужина къ намъ подошелъ (въ восточномъ костюмѣ, длинномъ полосатомъ халатѣ и въ темной короткой кофтѣ) поверхъ его, какой-то высокій, худощавый мужчина, съ овальнымъ лицомъ блѣднаго цвѣта, чисто еврейскаго типа. Онъ низко поклонился въ сторону Преосвященнаго, приветствовалъ его на гортанномъ арабскомъ языкѣ. Это былъ Самарянскій раввинъ, учащій въ синагогѣ при Самаритянской общинѣ города. Онъ упомянулъ о своей синагогѣ, въ которой, какъ говорятъ, находятся древнѣйшіе списки Пятикнижія, написаннаго на пергаментѣ. Предложилъ онъ намъ посѣтить гробницу Іосифа, находящуюся вблизи колодца Іакова. Могила помѣщается въ четырехугольной каменной комнатѣ безъ крыши; она—овальной формы, въ стилѣ обыкновенныхъ Палестинскихъ гробницъ. Тутъ находятся два ка-

менныхъ столбика, въ верхнихъ впадинахъ которыхъ, сдѣланныхъ нарочно, евреи сжигаютъ многочисленныя приношенія патриарху: кружева, разныя матеріи, ладанъ, масло, и др. У Самаритянъ сохраняется много древнихъ обрядовъ Богослуженія. Такъ, на горѣ Гаризинѣ они приносятъ въ жертву семь пасхальныхъ агнцевъ, со всѣми ветхозавѣтными ритуалами, въ пасхальную ночь сѣдаютъ агнца, согласно словамъ священнаго Писанія. Гора Гаризинѣ считается ими, по прежнему священной; на вершинѣ ея они справляютъ праздники Пасхи, Пятидесятницы и водруженіе Скинии Завѣта. По прежнему они враждебно относятся къ ненавистнымъ имъ евреямъ.

Самаритянъ находится въ городѣ только около двухъ сотъ человѣкъ, какъ съ грустью объяснилъ намъ пришедшій раввинъ. Быстро пронеслась передъ нашимъ умственнымъ взоромъ печальная исторія злополучныхъ самарянъ: и поводы ихъ ко враждѣ съ евреями, и постройка на горѣ Гаризинѣ Санаваллатомъ особаго храма, который, нѣсколько лѣтъ спустя, былъ обращенъ въ капище Зевса, а впоследствии былъ срытъ до основанія Иоанномъ Гирканомъ, и истребленіе десяти тысячъ ихъ римскимъ полководцемъ Кестіемъ, и, наконецъ, возстаніе ихъ, соединенное съ жестокостями противъ христіанъ, послѣ чего у нихъ отняли эту священную гору, передавши ее христіанамъ. За ярыя политическія убѣжденія, ихъ продолжали казнить тысячами, такъ что теперь только жалкая кучка самарянъ осталась доживать свой вѣкъ на развалинахъ своего прошлаго, въ виду той священной горы, которая была нѣкогда свидѣтельницей зарожденія этой секты. Простившись съ нами, жалкій самарянскій раввинъ отправился обратно въ городъ, навѣявъ на насъ своимъ печальнымъ видомъ грустныя мысли о непрочномъ благополучіи на землѣ.

Становилось темно. Сумерки уже давно наступили, окутавъ своею тѣнью лежавшую на востокъ отъ насъ равнину; роскошные холмы и величественныя горы Самарійскіе превращались въ темныя громады. Луна еще не взошла, но при звѣздахъ, разсыпавшихся по темному небу, эти горы не теряли своихъ красивыхъ очертаній. Но вотъ, давно ожидаемая нами луна выплыла на средину звѣзднаго неба, освѣтила своимъ блѣднымъ сіяніемъ лежав-

шя передъ нами окрестности, заставивъ насъ замереть отъ восторга. Мы стояли на краю каменнаго водоема, предаваясь воспоминаніямъ о давно минувшихъ событіяхъ, героями которыхъ были древніе патриархи. Когда-то здѣсь мирно наслаждался жизнию съ своею громадною семьею нашъ праотецъ Іаковъ, смотря, какъ и мы теперь, на полную луну, царившую на небѣ. Благодаря роковому случаю, приключившемуся съ его дочерью въ долину Сихемской и послѣдовавшей затѣмъ кровавой мести со стороны его дѣтей жителямъ Сихема за поруганіе Дины, онъ долженъ былъ покинуть эти излюбленные мѣста съ вырытымъ имъ колодеземъ. Много и другихъ событій происходило здѣсь близъ этого колодца.....

Сонъ началъ одолевать насъ, препятствуя послѣдовательному теченію нашихъ библійскихъ воспоминаній, и мы поспѣшили въ свои палатки, чтобы дать ему полное господство надъ нами. Взглянувъ въ послѣдній разъ на волшебную картину ночи, мы вошли въ палатки, легли, не раздѣваясь, на свои койки, и, какъ убитые, уснули крѣпкимъ сномъ.

5-е Іюля. Среда. Наблусъ — Сихемъ. Самарія — Севастія. Храпъ Іоанна Крестителя. Развалины Севастіи. Джеба. Арабки у источника. Дженницъ, библейскій ен-Гавнимъ.

Пронзительные крики пѣтуховъ, раздававшіеся со стороны города и селеній, разбудили насъ. Вскорѣ послышались и звонки, заставившіе насъ встать и приготовиться къ отъѣзду. Ровно въ 5 ч. утра мы покинули колодезь Іакова. Выѣхавъ изъ воротъ ограды въ сопровожденіи греческаго игумена и турецкой стражи, мы направились опять на большую дорогу и вступили въ долину Сихемскую. При блескѣ восходящаго солнца, намъ еще больше понравился этотъ живописный уголокъ Палестины съ многочисленными группами зеленыхъ деревьевъ, листья которыхъ сіяли брилліантовымъ блескомъ отъ отраженія солнечныхъ лучей въ невысохшихъ еще на нихъ росинкахъ; катившіеся по скатамъ горъ многочисленные ручейки переливались различными цвѣтами радуги отъ дѣйствія яркаго солнца. Эта долина, благодаря обилію воды, вытекающей маленькими небольшими струями изъ расщелинъ горъ, славилась своимъ плодородіемъ во все времена.

Недаромъ Авраамъ раскинулъ здѣсь шатры свои, недаромъ Іаковъ, возвратившись изъ Месопотаміи, рѣшился основаться здѣсь, въ виду красивыхъ и плодоносныхъ мѣстъ, „купивши часть поля у жителей земли сей“.

Проѣхавши $\frac{1}{2}$ часа, мы увидѣли передъ собою городъ Наблусъ, древній *Сихемъ*, который Іероваамъ, сдѣлавшись царемъ десяти колѣнъ Израіля, украсилъ многочисленными зданіями и сдѣлалъ его столицею своего царства. Передъ нами теперь разстилался большой восточный городъ съ бѣлыми восточными домами, куполообразными крышами каменныхъ зданій и высокими минаретами мечетей. Оживленіе царило въ долину, когда мы подъѣзжали къ городу. Навстрѣчу намъ шли навьюченные верблюды съ ослами, нагруженными какою-то кладью. То и дѣло попадались по дорогѣ пѣшіе арабы, съ котомками въ рукахъ, твердою поступью направляясь въ горы. Стада овецъ и козъ, пасомыя восточными пастухами въ своихъ библейскихъ костюмахъ, часто встрѣчались по обѣимъ сторонамъ дороги и по скатамъ горъ. Какъ живо напомнилъ намъ одинъ изъ этихъ юныхъ пастуховъ патріарха Іосифа, въ дни его юности, когда онъ блуждалъ въ этой же долину, ища своихъ братьевъ, которые впоследствии продали его Измаильскимъ купцамъ! Не смотря на то, что это мѣсто соединено было для него съ грустными воспоминаніями, онъ всегда любилъ его, стремясь къ нему всею душою, и даже высказалъ предсмертное желаніе видѣть, кости свои погребенными въ этомъ миломъ для него уголку. Только лично присутствуя въ этой живописной долину, можно понять сильное стремленіе патріарха къ этому мѣсту, а также — пріятныя воспоминанія многихъ людей и народовъ, соединенныя съ долиною Сихемскою. Мы въѣхали въ городъ. Разочарованіе было полное. Какъ красивъ былъ онъ издали, такъ непріятенъ и неопрятенъ внутри, благодаря разбросаннымъ въ безпорядкѣ восточнымъ постройкамъ, тѣснымъ, темнымъ улицамъ и грудамъ нечистоты, валявшимся здѣсь же по дорогѣ, около которыхъ копошились тощія желтыя собаки. Говорятъ, что въ городѣ много масляныхъ и мыльныхъ заводовъ, увеличивающихъ и безъ того городскую грязь, вслѣдствіе отбросовъ, выбрасываемыхъ на улицы, распространяя зловоніе и производя душливую атмосферу. Этотъ городъ мало чѣмъ

отличается отъ видѣнныхъ нами (Палестинскихъ) городовъ, представляя собою обычный типъ восточнаго города. Къ счастью, намъ не пришлось проѣзжать весь городъ и вдыхать въ себя заразительный запахъ разлагающейся восточной грязи; мы скоро повернули вправо и поѣхали по Севастійской дорогѣ. Непріятное впечатлѣніе быстро исчезло по выѣздѣ изъ города. Прямо предъ нами красовался Геваль, весь въ террасахъ, покрытыхъ зелеными дикими грушевыми деревьями и кудрявыми рощами масличныхъ деревьевъ. Фруктовые сады съ оливковыми и фіговыми деревьями, на которыхъ въ большомъ количествѣ видѣлись вкусные и сочные плоды, приковывали къ себѣ наши взоры; виноградники, разбросанные тамъ и сямъ по скатамъ горъ, манили насъ къ себѣ своими громадными и густыми гроздьями спѣлаго винограда; горные потоки и ручейки, около которыхъ полоскали бѣлье восточныя женщины въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, своимъ тихимъ журчаніемъ улаждали нашъ слухъ. А надъ всѣмъ этимъ небо, ясное, голубое, раскинувшееся въ видѣ грандіознѣйшаго шатра, довершало эту чудную панораму. Погружаясь своею мыслію въ глубь времени, мы живо представляли себѣ это величественное зрѣлище, когда, на мѣстѣ теперешняго города, въ лощинѣ, отдѣляющей Гаризинъ отъ Гевала, стояли въ бѣлыхъ облаченіяхъ священники и левиты, громко читая благословенія и проклятія на исполнителей и нарушителей Закона; а съ вершинъ ихъ раздавалось громогласное отвѣтное—„аминь“ стоявшихъ тамъ всѣхъ двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ. Мы продолжали ѣхать по узкой долинкѣ, окаймленной съ обѣихъ сторонъ зеленью, фруктовыми садами, огороженными колючими кактусами, спѣлые сочные плоды которыхъ наблусскія женщины при нашемъ проѣздѣ сбивали палками, осторожно хватая ихъ руками, во избѣжаніе укуловъ, и сыпая въ мѣшки. Маленькіе ручейки пересѣкали въ разныхъ мѣстахъ нашъ путь.

Мы поѣхали мимо магометанскаго кладбища, между оливковыми деревьями котораго катился быстрый ручей съ холодною ключевою водою. Вблизи какого-то селенія, расположеннаго на скатѣ горы, мы увидѣли, вѣроятно, старый водопроводъ, съ полуразрушенными арками. Городъ остался теперь далеко позади насъ. На пути намъ встрѣчалось очень

много водяныхъ мельницъ, издали похожихъ на столбы. Но вотъ, ручейки стали попадаться рѣже, а затѣмъ и совершенно исчезли, когда мы поднялись на значительную высоту надъ долиной. Мы ѣхали теперь по отлогому склону холма, поднимаясь все выше и выше къ сѣверо-западу, встрѣчая по пути, направо отъ дороги, шелковичныя и фиговые деревья. Подъемъ дѣлается настолько крутъ, что мы удивляемся своимъ животнымъ, какъ они могутъ такъ твердо и осторожно ступать по этой крутой дорогѣ, по разбросаннымъ на ней камнямъ, которые, при малѣйшимъ прикосновеніи къ нимъ, быстро сыпаются внизъ. По обѣимъ сторонамъ дороги, посреди полей и зеленыхъ рощъ, возвышаются холмы, на вершинахъ которыхъ расположились многочисленные арабскія деревушки. Мы поднялись на самую вершину холма и должны были спуститься въ плодоносную долину, по которой пробѣгали мелкіе ручейки. Затѣмъ поднялись на еще болѣе высокій холмъ, по скатамъ котораго видѣлись оливковыя и масличныя рощи, фруктовые сады и водяная мельница; увѣнчивался онъ какимъ-то селеньемъ. Это, оказалось, нѣкогда знаменитая Самарія, потомъ Севастія, нынѣ бѣдная арабская деревушка, населенная магометанами и отчасти православными. Этотъ гордый холмъ Самарійскій возвышается на 500 фута надъ долиной, и взбираться на него по почти отвѣснымъ склонамъ очень затруднительно. На вершинѣ холма, окруженнаго съ трехъ сторонъ глубокими долинами, расположена теперь жалкая деревушка, въ которую мы теперь и шли пѣшкомъ, оставивъ своихъ ословъ у деревни. Изъ любопытства, мы заглянули въ отворенную дверь одной мазанки: ѣдкій удушливый дымъ, наполнявшій ее, заставилъ насъ отскочить въ сторону. Оказалось, что мазанки не имѣютъ другихъ отверстій, кромѣ одной двери. Подобное встрѣчается во многихъ бѣдныхъ восточныхъ деревушкахъ. Необходима неприхотливость восточныхъ жителей и постоянная привычка, чтобы обитать въ такихъ жилищахъ. Сквозь дымъ мы разглядѣли внутренность этой мазанки: ни стола, вообще никакой мебели; на полу сидѣлъ арабъ въ разстегнутой рубашкѣ и въ красномъ тюрбанѣ на головѣ, поддерживая огонь, ворочая палкою сучья, горѣвшіе подъ котелкомъ, въ которомъ что-то варилось; оборванная женщина хлопотала около этого котелка; въ углу, на го-

ломъ полу, не смотря на ѣдкій запахъ дыма, весело играли въ камешки голые ребятишки, грязные до невозможности. Идя затѣмъ по отвратительнѣйшимъ закоулкамъ деревушки, сторонясь отъ собакъ, съ оскаленными зубами лаявшихъ на непрошенныхъ гостей, мы размышляли о превратностяхъ судебъ вообще, и въ частности—о судьбѣ стоявшей здѣсь когда-то знаменитой столицы Израильскаго царства. Основанная царемъ-отступникомъ Амвріемъ, она имѣла въ своихъ стѣнахъ много нечестивыхъ царей, въ томъ числѣ и Ахава, ревностнаго распространителя идолопоклонства въ своей странѣ. Будучи затѣмъ за грѣхи царей своихъ часто разрушаема непріятелями, Самарія была возобновлена Габиніемъ, сирійскимъ правителемъ, а при Римскомъ владычествѣ была уступлена Ироду Великому, который, возстановивши и украсивши городъ великолѣпнѣйшими зданіями, переименовалъ ее въ Севастію, или Августу, въ честь Римскаго Императора Августа. Развалины дворцовъ доселѣ еще свидѣтельствуютъ о ея прежнемъ величіи. По пути къ нимъ, мы предварительно разсмотрѣли развалины христіанской церкви, выстроенной св. Еленою надъ предполагаемыми гробницами пророковъ: Авдія, Елисея и Іоанна Крестителя: хотя, по другому, болѣе достовѣрному, преданію послѣдній былъ обезглавленъ и погребенъ совершенно въ другомъ мѣстѣ. Передъ нами, на вершинѣ холма, находится большой дворъ, посреди котораго стоитъ высокая палъма; на краю холма, дворъ ограничиваютъ уцѣлѣвшія еще развалины древней стѣны, въ которыхъ по мѣстамъ вѣданы мраморныя колонны; такія же колонны идутъ вдоль двора, полукругомъ выступая за стѣны. Этотъ дворъ составлялъ ибкогда средницу храма, что замѣтно по прилегающему къ нему мраморному порогу со ступенями. На дворѣ стоитъ маленькая мечеть; внутреннія стѣны ея обдѣланы мраморомъ, на которомъ, если попристальнѣе вемотрѣться, можно замѣтить высѣченные кресты, хотя магометане усердно стараются изгладить на немъ эти знаки христіанства, замазывая или стирая ихъ. Эта мечеть помѣщается какъ разъ надъ гробницами пророковъ, находящимися въ подземельѣ, узкій сходъ въ которое—на лѣвой сторонѣ двора, напротивъ мечети. вмѣстѣ съ шедшими впереди насъ—Пресвященнымъ и греческимъ игуменомъ — сошли мы въ

полутемное подземелье, по 22 ступенямъ, слабо освѣщеннымъ четырьмя окнами, устроенными въ стѣнахъ, подъ сводами. Страшная сырость охватила насъ. Посреди этого погреба лежитъ небольшой четырехугольный мраморный камень, на которомъ, какъ говорятъ, сидѣлъ томившійся здѣсь въ узахъ Іоаннъ Предтеча. Мѣсто могилъ заложено стѣною, въ которой оставлены три отверстія. Съ зажженными свѣчами въ рукахъ, данными намъ проводникомъ-арабомъ, увидѣли мы черезъ эти отверстія три гробницы, выложенныя тесаннымъ камнемъ, и совершенно похожія одна на другую. Гробницы пусты; около нихъ валялось нѣсколько череповъ и обломковъ камней. Если это подземелье и не было темницей Предтечи Господня, усѣкновеннаго по приказанію Ирода, то, во всякомъ случаѣ, оно было мѣстомъ, куда жестокій царь заточалъ своихъ недруговъ, умиравшихъ здѣсь отъ голодной смерти и отъ недостатка свѣжаго воздуха.

Поднявшись обратно по ступенькамъ вверхъ, мы съ облегченіемъ вдохнули въ себя струю свѣжаго, хотя и горя-

Севастія. Развалины дворца Ирода Великаго.

чаго отъ солнечнаго жара, воздуха. Давши, по обыкновенію, бакшишъ сопровождавшему насъ по развалинамъ сто-

рожу-проводнику, отправились мы для дальнѣйшаго осмотра древней столицы. Пройдя минутъ десять, увидѣли мы цѣлый сводъ колоссальныхъ колоннъ, сдѣланныхъ изъ мѣстнаго камня, которыя сперва шли въ одинъ рядъ, а потомъ въ два параллельныхъ ряда. Мы насчитали ихъ болѣе пятидесяти,—всѣ онѣ монолиты, не имѣютъ ни карнизовъ, ни базисовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ расколоты пополамъ и валяются здѣсь же на землѣ. Когда мы наступили на одну изъ валявшихся колоннъ, изъ-подъ нея выползли двѣ большія ящерицы, обитавшія въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, стоялъ дворецъ Ирода, любившаго блескъ и пышность и задававшаго пиры многочисленнымъ друзьямъ своимъ. Но стоялъ ли здѣсь дѣйствительно роскошный дворецъ Ирода, или это былъ великолѣпный храмъ, построенный имъ въ честь Августа,—въ точности неизвѣстно; во всякомъ же случаѣ, эти колонны—остатки сооруженій Великаго Ирода. Идя на сѣверо-западъ отъ этихъ колоннъ, мы замѣтили остатки двухъ башенъ, сложенныхъ изъ огромныхъ тесанныхъ камней, между которыми есть пустое пространство. Это, вѣроятно, были ворота города Севастіи. За воротами тянулся портникъ съ сохранившеюся до сихъ поръ чуть ли не сотнею колоннъ.

Осмотрѣвши колонны, мы тою же дорогою пришли обратно къ церкви, на вершину холма, видъ съ котораго на окрестности — восхитительный. Эти чудныя окрестности были свидѣтелями беззаконія царей Израильскихъ, которые здѣсь на вершинахъ ставили капища идоловъ, прогнѣвая Бога Истиннаго. Исполнился гнѣвъ Божій надъ Самаріей, какъ предсказалъ это пророкъ Исаія, любовавшийся видомъ на окрестности, можетъ быть, съ этого же мѣста, и другіе пророки. Нѣсколько оставшихся колоннъ и обломковъ мрамора, представляющихъ собою жалкіе остатки прежняго величія пышной столицы, свидѣтельствуютъ объ исполненіи въ судьбахъ Самаріи пророческихъ предсказаній. Смотри на эти развалины, на эту грудю разбросанныхъ повсюду камней,—какъ не вспомнить при этомъ пророческихъ словъ прор. Михея: *Самарію сдѣлаю грудю развалинъ въ полѣ, мѣстомъ для разведенія винограда; низрикну въ долину камни ея и обнажу основанія ея* (Мих. 1, 6).

Достаточно насмотрѣвшись на чудные виды съ этой вершины и поразмысливши о превратностяхъ судьбы, мы воз-

вратились къ своимъ осламъ и поѣхали далѣе на сѣверъ, спустившись предварительно съ холма. Въ верхней части Самарійскаго холма,halbvo отъ дороги, замѣтили мы колоннаду въ видѣ амфитеатра, постепенно спускающагося къ долинь. Это, какъ объяснилъ намъ греческій игумень, печальные остатки роскошнаго цирка Прода. На этомъ мѣстѣ услужливый грекъ простился съ Преосвященнымъ, и поѣхалъ обратно въ Наблусъ.

Дорога шла по долинь между двухъ холмовъ, поднимаясь нѣсколько вверхъ, небольшими зигзагами. Эта мѣстность своими полями и сравнительно ровною поверхностью напоминала намъ наши родныя мѣста во время осени, когда трава на поляхъ уже не имѣетъ такой свѣжей окраски, какъ лѣтомъ и весною. Проѣхавъ селеніе, называемое Бурка, мы стали подниматься на высокій холмъ, съ вершины котораго нашему взору представилось прекрасное ровное поле, усаженное масличными деревьями и окаймленное понижающимися пригорками Самаріи. Кругомъ разбросаны деревни, изъ которыхъ, ближе къ нашей дорогѣ, съ лѣвой стороны ея, расположилось селеніе эль-Фантакумія. Становилось мучительно жарко. Страшная жажда стала одолѣвать насъ. Но вотъ, наконецъ, дорога, то поднимаясь, то снова опускаясь, привела насъ къ деревнѣ „Джеба“, гдѣ мы рѣшили сдѣлать привалъ. Домики этой деревни, прилѣпившіеся къ склону холма, расположены настолько правильными рядами, что плоскія крыши нижнихъ домовъ могутъ служить мостовою для верхнихъ. Это селеніе, находясь въ долинь, между двумя небольшими возвышенностями, и утопая въ роскошной зелени оливковыхъ деревьевъ, можетъ служить самымъ лучшимъ мѣстомъ отдохновенія. Тутъ мы и остановились, расположившись подъ раскидистой маслиной, прямо надъ большимъ источникомъ, куда сходятся за водою жители всего магометанскаго селенія, преимущественно женщины. Позиція для наблюденія была самая удобная. Покуда намъ готовили завтракъ, мы занялись наблюденіемъ происходившаго у источника. Мы видѣли, какъ сюда приходили за водою дѣвушки и, весело болтая съ подругами, черпали воду и уходили прочь. Здѣсь было какъ бы складочное мѣсто различныхъ мѣстныхъ новостей, которыя, передаваясь изъ устъ въ уста, комментируясь на разные лады, распространялись уже въ измѣненной

редакціи, непохожей на первоначальную, по всему магометанскому селенію. Многія приходили сюда съ бѣльемъ, поло-ская которое въ наполненныхъ водою канавкахъ около источника, весело щебетали на своемъ гортанномъ нарѣчій. Мы удивлялись тому, какъ эти молодя мусульманки, зачерпнувши кувшинами воду, ставили послѣдніе на свои головы и, какъ бы не чувствуя особой тяжести на головѣ, беззаботно уходили, часто не поддерживая руками своихъ наполненныхъ водою сосудовъ, которые, не смотря на это, не теряли все-таки своего равновѣсія на граціозныхъ головкахъ мусульманокъ. Передъ нами живо встали библейскіе рассказы, гдѣ говорится о посѣщеніяхъ дѣвушками древнихъ колодцевъ. Нравы, обычаи, даже костюмы,—все напоминаетъ древнія времена.

Арабки у источника.

Между женщинами, видѣнными нами у колодца, было много интересныхъ типовъ. Костюмъ почти у всѣхъ ихъ одинаковъ: длинная, синяя рубашка, въ видѣ мѣшка, доходящая до самыхъ пятъ и перехватывающаяся въ талии поясомъ, со многими складками на груди. Голова накрыта большимъ платкомъ, концы котораго спускаются до самыхъ

плечъ, служа вмѣстѣ съ тѣмъ покрываломъ; маленькая круглая шапочка увѣнчиваетъ голову арабской женщины. Вотъ

Арабки у источника.

гордою поступью подходитъ къ источнику, держа высоко надъ головою пустой кувшинъ, стройная арабская женщина, непритомливый костюмъ которой обрисовываетъ ея граціозныя формы. На ея загорѣломъ овальной формы лицѣ, съ правильными, хотя и крупными чертами, блестятъ черные глаза. Это была одна изъ красивѣйшихъ дочерей Востока. Хотя по костюму она почти и не отличалась отъ другихъ, находившихся здѣсь женщинъ, но, благодаря ея шапочкѣ, обдѣланной позументомъ, и множеству блестящихъ монетъ, въ видѣ монисто висящихъ на шеѣ, и запястій, до локтя надѣтыхъ на ея голой мужественной рукѣ, она, видимо, принадлежала къ зажиточной семьѣ, или даже къ семьѣ самого шейха. На послѣднее указывала также гордая осанка этой женщины. Подойдя къ источнику и поставивъ свой кувшинъ на землю, она, по обыкновенію, хотѣла заняться болтовней съ своими подругами. Но, замѣтивъ направленный на нее фотографическій аппаратъ, она, сверкнувъ черными глазами, зардѣвшись алымъ румянцемъ, съ саркастическою улыбочкою, быстро

повернулась къ намъ спиною, зачерпнула въ кувшинъ воды, опустила на лицо покрывало, и не глядя на пасъ, съ кувшиномъ на головѣ, молча, тою же гордою поступью пошла прочь отъ источника. Такъ и вспомнилась намъ библейская Ревекка и событіе встрѣчи у колодца Елеазара съ будущей женой своего господина. Мы замѣтили у многихъ приходившихъ сюда женщинъ татуировку на рукахъ, между глазъ и на подбородкѣ, а также вдоль нижней губы, въ видѣ небольшихъ темныхъ точекъ.

Между тѣмъ намъ приготовили уже завтракъ, состоявшій изъ прежнихъ холодныхъ блюдъ, съ прибавленіемъ чеснока, за который особенно ратовалъ Марко, говоря, что лукъ и чеснокъ въ дорогѣ необходимы въ качествѣ подкрѣпляющаго средства. Нашъ завтракъ прошелъ очень оживленно. Прекрасную патріархальную картину представляла наша группа во время трапезы, за которой, возлежа по восточному, мы сидѣли всѣ вмѣстѣ, забывъ о различіи званій и положеній. Рядомъ съ архіереемъ сидѣлъ простой служитель, Несторъ, съ одной стороны, съ другой—одинъ изъ студентовъ, по сосѣдству съ двумя рядомъ сидѣвшими кавасами. Около Нестора возлежалъ о. миссіонеръ Варсонофій, рука объ руку съ погонщикомъ, магометаниномъ, а затѣмъ опять студенты. Яства передавались изъ рукъ въ руки, хлѣбъ ломая на части и дѣлился между всѣми. Никто не стѣснялся ничьимъ присутствіемъ, но въ то же время все было тихо, прилично. А тамъ, внизу, у источника продолжали громко лепетать мусульманки, около которыхъ шумѣли и галдѣли мальчишки. Подъ акомпаниментъ, арабской болтовни и дѣтскаго шума, легли мы послѣ завтрака немного отдохнуть подъ тѣнью, развѣсистыхъ смоковницъ проспавъ почти до часу дня. „Ну что, Марко, пора?“ спросилъ Преосвященный. „Еще рано, Ваше Преосвященство“, отвѣчалъ, строгій до педантичности, кавасъ, „не пришло еще время“.

Мы взглянули внизъ. Общество арабовъ и арабченковъ не только не порѣдѣло, но, напротивъ, увеличилось, такъ какъ, вѣроятно, уже все селеніе узнало о нашемъ здѣсь пребываніи. „Бакшишъ, бакшишъ“, кричали мальчуганы, протягивая къ намъ свои маленькія ручонки. Зная алчность арабовъ, мы бросили имъ двѣ-три „парички“, которыя ими съ жадностью были подняты, и опять послышались возгласы: „бак-

пишь“. Наконецъ, мы бросили десятокъ монеть въ толпу грязныхъ оборвышей, которые съ крикомъ, тѣсня другъ друга, давая волю своимъ кулакамъ, кинулись поднимать наши подачки. Съ разгорѣвшимися отъ жадности глазами, смотрѣли мусульманки на падавшія парички, стыдясь подойти къ мальчишкамъ. Мы бросили горсть этихъ мелкихъ монеть въ толпу женщинъ, которыя, забывши стыдъ, стали поднимать ихъ, вступая въ драку съ мальчишками. Еще десятокъ паричекъ, брошенныхъ въ толпу, и стыдъ былъ забытъ совершенно, началась общая свалка, въ которой полы перемѣшались, шумъ, гамъ, драки..... „Теперь пора собираться“, объявилъ Марко, и ровно въ половинѣ второго часа дня, послѣ хорошаго отдыха, сопровождаемые поклонами и благодарностями со стороны арабовъ обоего пола, мы выѣхали къ сѣверу отъ Джебы.

Черезъ полчаса, налѣво отъ дороги, мы встрѣтили деревню Сапуръ, расположенную на холмѣ, весьма крутомъ съ восточной стороны и понижающимся по направленію къ западу. На вершинѣ холма видна крѣпость, а вокругъ деревни идетъ каменная ограда. Дорога, по которой мы теперь ѣхали, не особенно дурна, безъ крутыхъ подъемовъ и отвѣсныхъ спусковъ. Такъ ѣхали мы безъ всякихъ приключеній до 3 ч. дня, если не считать мучившую насъ временами жажду. Къ счастью, или стало нѣсколько прохладнѣе, или же мы привыкли къ жарѣ, но мы не чувствовали болѣе страданія отъ палящихъ лучей солнца. Вотъ, высоко надъ нашими головами, пронеслась цѣлая стая орловъ, которые, плавно разрѣзая воздухъ своими крыльями, опускаясь все ниже и ниже, скрылись за холмомъ направо отъ дороги, найдя, вѣроятно, себѣ хорошую добычу въ видѣ труна какого-либо животнаго. Это можно было предполагать по доносившемуся до насъ непріятному запаху, происходящему отъ разложенія органическихъ веществъ. Мы переѣхали затѣмъ долину Доана, въ которой нѣкогда Іосифъ былъ проданъ своими братьями купцамъ Мадамскимъ, увезшимъ его отсюда по дорогѣ на западъ въ землю Египетскую. Въ этой долинѣ, какъ говорятъ, находится бездонный колодець, куда дѣти Іакова хотѣли бросить своего нелюбимаго ими брата. Къ сѣверо-западу отъ насъ простирается широкая равнина, гдѣ дѣти Іакова пасли стада отца своего. Налѣво

отъ дороги, Марко указаль намъ мѣсто, гдѣ имѣють обык-
новеніе отдыхать паломники, идущіе въ Назаретъ большими

Паломники на пути въ Назаретъ.

караванами. Это—громаднѣйшее вспаханное поле, которое, раннею весною, покрывается зелеными всходами хлѣбныхъ злаковъ. Мы отказались отъ отдыха, желая скорѣе добраться до предположеннаго по маршруту ночлега. Направо отъ дороги мы залюбовались густыми масличными рощами, заполняющими пространство долинь и откосовъ. Около этого цвѣтушаго оазиса расположено арабское селеніе, которое нашъ жандармъ назвалъ „Кубатя“. Отсюда мы стали спускаться все ниже и ниже, и ѣхали между холмами, образующими собою то ущелье, черезъ которое, по всей вѣроятности, и бѣжалъ Охозія, царь іудейскій, преслѣдуемыйъ убійцами, посланными за нимъ Идумей. Наконецъ, и безъ этого невысокіе холмы стали еще болѣе понижаться, и мы очутились на большой равнинѣ. Повернувши влѣво отъ дороги, мы увидѣли передъ собою утопающія въ садахъ какія-то зданія, между которыми, подобно сторожевой башнѣ, возвышается высокій минаретъ. Это и есть Дженинъ, древній *En-Gannim*, гдѣ, полагають, Спаситель, идя во Іерусалимъ, между Галилеей и Самаріей, исцѣлилъ десять прокаженныхъ. Намъ по-

казали это мѣсто исцѣленія на возвышенности, около которой расположенъ Дженинъ. Мы направлялись къ тому мѣсту за городомъ, гдѣ уже бѣлѣли раскинутыя для насъ палатки, въ которыхъ мы должны были совершить послѣдній ночлегъ. Ровно въ 5 ч. веч. подъѣхали мы къ своимъ шатрамъ, слѣзли съ хребтовъ уставшихъ ословъ и вздохнули свободно, очутившись опять на ногахъ. Чтобы расправить свои члены, мы прогуливались около своихъ палатокъ, разглядывая лежанціи вблизи маленькій городокъ, въ которомъ виднѣлись, кромѣ минарета, еще купола двухъ мечетей, какое-то зданіе на горѣ, или, лучше сказать, развалины неизвѣстнаго древняго сооруженія. Намъ же указали и на турецкую крѣпость, въ которой помѣщается небольшой гарнизонъ. Какъ бы въ подтвержденіе существованія послѣдняго, къ Преосвященному, какъ и наканунѣ въ Наблусѣ, пришли два турецкихъ офицера, поздравили съ прибытіемъ и сказали, что будутъ охранять насъ во время ночи. Получивъ отъ Преосвященнаго хорошиіи бакшишъ и любезно расшаркавшись, они удалились во-свояси. Этотъ городокъ довольно оживленъ, имѣетъ около трехъ тысячъ жителей, въ немъ есть также базаръ. Множество находящихся здѣсь апельсинныхъ садовъ, масличныхъ и фиговыхъ рощъ, финиковыхъ пальмъ, украшающихъ городъ и эффектно освѣщенныхъ теперъ заходящими лучами солнца, придаютъ этому городу жизнерадостный видъ.

Вотъ, прибѣжало изъ города нѣсколько арабскихъ дѣтей, которыя, расположившись въ отдаленіи напротивъ насъ, до самой темной ночи наблюдали за необычными для нихъ лицами. Разсматривая, съ своей стороны, ихъ, мы замѣтили, что многія изъ нихъ больны глазами. Вообще, эта болѣзнь на Востокѣ сильно развита, и въ рѣдкой деревушкѣ мы не встрѣчали десятка больныхъ глазами дѣтей; изъ взрослыхъ мы болѣе замѣчали слѣпыхъ женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Жаль видѣть красивую арабскую женщину, съ бѣлками на глазахъ. Главнымъ образомъ причина болѣзни пронесодитъ отъ нечистоты и отъ недостатка воды, не хватающей часто для промывки глазъ, засоренныхъ пылью. Но есть, какъ мы здѣсь слышали, и другія причины. Именно: спѣлые плоды фиговыхъ деревьевъ, смоквы, сочныя и сладкія на вкусъ,

имѣють довольно острый сокъ, разъѣдающій глаза. Кромѣ того, мелкія иглы листьевъ кактусовъ, а особенно иглы созрѣвшихъ плодовъ ихъ, во время вѣтра, совершенно незамѣтно, могутъ, вмѣстѣ съ пылью, попасть въ глаза, причиняя этимъ жгучую боль, послѣдствіемъ чего является распространенная въ Палестинѣ слѣпота. Здѣсь, въ Дженинѣ, весьма много кактусовыхъ изгородей, около которыхъ, не предвидя опасности, почти постоянно играютъ грязныя полуголыя дѣти арабскихъ семей.

Сидя около палатокъ, мы наслаждаемся прекраснымъ воздухомъ, который дѣлается довольно свѣжимъ по заходѣ солнца. Намъ предложили надѣть пальто, во избѣжаніе простуды. Былъ уже седьмой часъ вечера, когда мы сѣли за приготовленный намъ вмѣстѣ съ Преосвященнымъ холодный ужинъ около палатокъ. Какъ-то было грустно теперь сидѣть за столомъ, чувствуя, что эта трапеза около шагровъ—последняя, что болѣе никогда не повторится это интересное путешествіе, соединенное притомъ съ такимъ удобствомъ и даже нѣкоторымъ комфортомъ.

Преосвященный предложилъ намъ послѣ ужина совершить прогулку въ городъ, на что мы съ удовольствіемъ согласились. Въ сопровожденіи Марко, мы вошли въ городъ по главной улицѣ, мимо мечети, мимо двухъ гостиницъ или „хановъ“, идя вдоль ручейка, текущаго черезъ весь городъ. Мы прошли также около нѣсколькихъ кофеенъ, у которыхъ восточные жители курили кальянъ, запивая маленькими чашками чернаго напитка. Наконецъ, мы подошли къ источнику, гдѣ, не смотря на совершенную уже темноту, собрались женщины этой мѣстности съ кувчинами на головахъ и безъ умолку болтали съ своими подругами. Грязныя босоногіе мальчишки занимались здѣсь играми, плескаясь водою и производя невообразимый шумъ вокругъ источника. Подобныя картины мы наблюдали уже и раньше. Поэтому, стоявъ здѣсь нѣсколько времени и наградивъ нѣсколькихъ дѣтей паричками, мы вышли изъ города и, по другой дорогѣ, возвратились обратно къ своимъ палаткамъ. Было уже 8 ч. вечера. Небо, какъ и вчера, было иллюминировано многочисленными звѣздами. Луна еще не взошла и все было окутано ночнымъ мракомъ. Стало уже значительно свѣжѣть, и мы поспѣшили въ палатки, чтобы предаться сладкому сну,

мечтая при этомъ о скоромъ осуществленіи нашей цѣли—прибытіи въ давно манившій насъ Галилейскій городокъ. Мы не вѣрили себѣ, что такъ легко и удобно совершили это путешествіе, которымъ насъ такъ пугали. Жару мы вынесли героически, а ѣзда на осликахъ стала для насъ теперь привычнымъ дѣломъ. Отъ сильнаго напряженія червовъ и отъ переживаемыхъ трехдневныхъ впечатлѣній мы не могли заставить себя скоро уснуть. Но вотъ, усталость стала брать верхъ, вѣки стали слипаться, и мы начали переходить въ область сновидѣній, какъ необычайные крики разбудили насъ. Прислушиваясь, мы догадались, что это былъ вой шакаловъ, бродившихъ въ долинахъ Палестины. Вой дѣлался все сильнѣе и сильнѣе, шакалы подходили все ближе и ближе. Почувявъ близость шакаловъ, лошади стали издавать пугливое ржаніе, а ослы, какъ это мы видѣли черезъ отверстіе въ палаткѣ, прижались другъ къ другу, испуганно настороживъ свои длинныя уши.

Но сонъ началъ все сильнѣе и сильнѣе одождать насъ. Подъ громкій вой этихъ дикихъ звѣрей пустыни и испуганное ржаніе лошадей, мы заснули крѣпкимъ сномъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
